

юрист
издательская
группа

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ПРОЦЕСС

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
(БАНКРОТСТВО)

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

КРУГЛЫЙ СТОЛ

НЕМНОГО ИСТОРИИ

№ 4/2021

ISSN 1812-383X

9 771812 383773 >

АРБИТРАЖНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Арбитражный и гражданский процесс

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
ПИ № ФС77-29216 от 23 августа 2007 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно

№ 4/2021

Содержание

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА
Инвентар № _____
_____ 20 ____ йил

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

3 **Зарубина М.Н.** Социальная роль общеправовых принципов в современном цивилистическом процессе

8 **Степин А.Б.** Правовой конфликт в механизмах защиты гражданских прав

13 **Борисова В.Ф.** Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

18 **Опалев Р.О.** Предмет судебной защиты в административном судопроизводстве

23 **Морозова Н.А.** Недопустимость рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (БАНКРОТСТВО)

27 **Латкина А.К.** Как финансовому управляющему взыскать убытки с банка в ходе процедуры банкротства граждан

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

32 **Балашова И.Н.** Соглашение о третейском суде: правовая природа и практика применения арбитражного соглашения

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

37 **Чернов К.Н.** Влияние Европейской конвенции на формирование производства о компенсации в арбитражном процессе: зарубежный опыт

40 **Концевой А.В.** Правоприменительные подходы к юридической квалификации криптовалюты (судебная практика США)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

45 **Курочкин С.А.** Процессуальные сроки как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства: в поисках оптимального правового воздействия

50 **Звягина Н.С.** Своевременность совершения процессуальных действий как механизм управления рисками в гражданском судопроизводстве

НЕМНОГО ИСТОРИИ

56 **Гусев А.Ю.** Развитие правовых положений о защите социальных прав работников в дореволюционной России (начало XX в.)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ярков В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ**ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА,****РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР:**

Долганичев В.В., кандидат юридических
наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Арифудин А.А., профессор, заслуженный
юрист РФ;

Витрянский В.В., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;

Жилин Г.А., доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ;

Исайчев В.И., заслуженный юрист РФ;

Носырева Е.И., доктор юридических наук,
профессор;

Осокина Г.Л., доктор юридических наук,
профессор;

Ренов Э.Н., кандидат юридических наук,
профессор;

Сахнова Т.В., доктор юридических наук,
профессор;

Треушников М.К., доктор юридических
наук, профессор;

Туманова Л.В., доктор юридических наук,
профессор;

Шерстюк В.М., доктор юридических наук,
профессор;

Юков М.К., доктор юридических наук,
профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор, чл.-корр. РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**ИГ «ЮРИСТ»:**

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

И КОРРЕКТУРА: Швечкова О.А., к.ю.н.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ**ПОДПИСКИ:**

Тел. / факс: (495) 617-18-88

(многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Телефон редакции: (495) 953-91-08

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА /**РЕДАКЦИИ:**

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26 / 55, стр. 7.

E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС:

Объединенный каталог. Пресса России —
85473;

Почта России. Электронный каталог — П1715.

Подписка на www.lawinfo.ru

Номер подписан в печать: 30.03.2021.

Номер вышел в свет: 08.04.2021.

ISSN 1812-383X

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 170x252. Печать офсетная.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Общий тираж 4000 экз. Цена свободная.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного

цитирования.

Зарубина Мария Николаевна,

доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук 17mz84@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-3-7

Социальная роль общеправовых принципов в современном цивилистическом процессе

В настоящей статье автор анализирует проблемы реализации общеправовых принципов в цивилистическом процессе. Делается вывод об огромной социальной роли этих принципов и особом влиянии на развитие всего процессуального законодательства. Взяв за основу исследования труды современных ученых, а также выводы судебной практики, предлагаются признаки общеправовых принципов: универсальность, нормативность, императивность, дискреционность и темпоральность. Особое значение для гражданского и административного судопроизводства, по мнению автора, имеют такие общеправовые принципы, как демократизм, гуманизм, законность, равенство и справедливость.

Ключевые слова: общеправовые принципы, гражданский процесс, судебное разбирательство, правосудие.

Система цивилистических процессуальных норм на сегодняшний день отличается противоречивостью и изменчивостью. В свою очередь законодатель однозначно хочет сблизить схожие по своему правовому регулированию отрасли, унифицировать институты, стадии, виды судопроизводства. Цель такого концептуального подхода — улучшить практику применения процессуальных норм, стандартизовав судебную деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских и административных дел. В специальной литературе уже не раз поднимался вопрос о нецелесообразности «кровосмешения» процессуальных отраслей еще при принятии Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) в 2014 г., а также при обсуждении многочисленных поправок в процессуальное законодательство. Тем не менее критика подобного рода претерпела поражение, и в настоящий момент важным движущим и объединяющим началом, как никогда, могут стать принципы, на которых зиждется судебный процесс и которые, по всей видимости, могут способствовать оптимальному развитию правосудия, успешному внедрению новых процедурных правил.

Единство процессуального порядка — неоправданная и сложновыполнимая задача. Работа над ней сводится к теоретической, законодательной и правоприменительной проработке понятий, принципов, стадий, видов судопроизводства. Однако

определяющим и существенным в этом вопросе должен стать характер материально-правового спора, который изначально детерминирует процессуальные правила его рассмотрения и решения. Например, вполне очевидно, что размер государственной пошлины при подаче искового заявления в суд не может быть одинаков для физических и юридических лиц; для некоторых категорий дел с учетом их особенностей предусмотрен специальный порядок подачи заявления (искового, административного) в суд, а также определены отличительные правила рассмотрения спора; в процессуальном законодательстве обозначены общие и специальные сроки судебного разбирательства, обращений в вышестоящие инстанции и т.д.

Между тем мерой и ориентиром для организации судебного процесса, соответствующего социальным потребностям общества, становятся принципы права, трансформированные и адаптированные к современным реалиям и тенденциям. *Реализация принципов права — это не только правильное применение нормативных предписаний, но и выраженное вовне идеалистическое, концептуальное отношение правоприменителя к разрешению правовой ситуации.*

Деятельность, основанная на принципах, — идеальна по своей природе. Судьи при осуществлении правосудия должны опираться на материальные и процессуальные нормы, но их внутреннее

убеждение порождается установками, постулатами, идеями, простыми и ясными для любого участника судебного процесса. Первичность принципов по отношению к правовым нормам определенно подчеркивает их значимость и априори повышает социальную удовлетворенность общества своим государством. В названном контексте требуется подчеркнуть доминирующее влияние общеправовых принципов на процессуальные отношения и на то, каким образом будет складываться взаимодействие суда и личности.

Традиционными проблемами принципов процессуальных отраслей права следует считать: определение понятия «принцип отрасли права», выбор критериев классификации принципов, способы их закрепления и толкование, воздействие на развитие отрасли в целом, применение аналогии права и др.

В то же время общеправовые принципы имеют всеобъемлющие масштабы, охватывая все отрасли права и распространяя свое действие на любые виды правоотношений. Они также способствуют развитию межотраслевых и отраслевых принципов, создают политические предпосылки¹ для изменения законодательства, носят фундаментальный и первичный характер по отношению к правовым нормам. С другой стороны, общеправовой принцип обладает вспомогательной силой для понимания глубины возникших и подлежащих регулированию правоотношений, ведь непосредственно он может и не применяться, но его опосредованное значение предопределяет эффективность всего правореализационного процесса.

Будучи некими постулатами, общеправовые принципы обязательно должны быть декларативно закреплены в статьях Конституции Российской Федерации и международных источниках права. Предложенный позитивистский подход продиктован вполне реальными основаниями:

¹ Согласимся с С.Н. Федуловой в том, что «принципы права не могут быть абсолютно самостоятельным явлением, свободным от воздействия политической деятельности людей и идеологических воззрений в обществе». См.: Федулова С.Н. Принципы гражданского процессуального права: понятие и нормативное закрепление: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 9.

1. Ни теоретически, ни законодательно до сих пор не определено, какие принципы являются общеправовыми, а какие нет, в связи с чем к ним можно причислить что угодно: верховенство права, разумность, сотрудничество, приоритет прав человека, добросовестность, публичность, право на суд, баланс частных и публичных интересов и проч. Даже высшие органы судебной власти употребляют иногда совершенно неожиданно принципы отдельных отраслей права, институтов в качестве общеправовых:

- соразмерность ответственности последствия допущенного нарушения²;
- состязательность и равноправие сторон³;
- осуществление гражданских прав по своему усмотрению⁴;
- недопустимость злоупотребления правом⁵;
- всеобщность и равенство налогообложения⁶; и проч.

Между тем *функциональное предназначение общеправовых принципов сводится к некоему генетически проявленному, социально обусловленному, правовому постулату, не требующему доказательств его обоснованности и значимости*. Как верно отмечает С.Д. Дмитриев, при наличии максимальной абстрактности общеправовой принцип обладает «функцией стандарта»⁷, то есть способностью гармонизировать нацио-

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591 по делу № А40-66152/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 491-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Звягинцева Виктора Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 108 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) // БВС РФ. 2018. № 2.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2007. № 3.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 марта 2008 г. № 5-П // СЗ РФ. 2008. № 12. Ст. 1183.

⁷ См.: Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и

нальную правоприменительную практику и предписания международного права.

Вышеназванные принципы такой функцией не обладают, а являются по своей сути законодательным предписанием, хотя и оценочного характера. Оценочные категории не абсолютны, а обычно конкретизированы в законодательстве, в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации.

Точно так же не следует относить к общеправовым принципам такое общее правило для всех законов, как «закон обратной силы не имеет»⁸, поскольку, во-первых, из него не вытекает какая-либо идея, влияющая на сущность того или иного правового явления, события, процесса; во-вторых, из этого правила в законе установлены исключения (длительные правоотношения, прямое указание на обратную силу закона для определенного круга отношений и т.д.).

2. Имеется тенденция к синкретизму общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов. Так, в ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации указаны как принципы административного судопроизводства (да и то не весь перечень), так и общеправовой принцип справедливости, однако последний никак не раскрыт и не конкретизирован применительно к порядку рассмотрения и разрешения дел, возникающих из публичных правоотношений. Некоторые исследователи абсолютно точно видят ошибочность такого подхода в том, что, если речь идет о принципе отрасли, следовательно, его содержание должно быть раскрыто и иметь отношение к конкретному виду судебной деятельности⁹.

Действительно, проблема нормативного закрепления принципов носит давний характер и обсуждалась многократно различными учеными, в связи с чем сложились следующие подходы к определению принципов в гражданском процессуальном праве: доктринальный

(принципы относятся не к области права, а к правосознанию), позитивистский (принципы обязательно подлежат нормативному закреплению), интегративный (принцип — это одновременно и элемент права, и элемент правосознания)¹⁰.

Однако фиксация того или иного принципа в цивилистическом процессуальном законодательстве должна быть оправдана и продиктована целями и задачами судопроизводства. Принципы отрасли, являясь системообразующими нормами, подчиняют себе все остальные процессуальные нормы и обобщают их содержание. В последнее время практически все процессуальные принципы стали межотраслевыми, каждый из которых имеет свою конституционную основу. А.А. Демичев совершенно верно отметил второстепенный, необязательный характер доктринальных принципов, не относящихся ни к области права, ни к области правосознания¹¹.

Место общеправовых принципов в правовой системе неоднозначно, но совершенно протivoестественно их идентифицировать с межотраслевыми или доктринальными принципами. Пронизывая собою практически каждое действие суда, его постановления, ограничивая пределы его усмотрения, наделяя законодателя правом оптимизации процессуального законодательства в строго обозначенном ключе, общеправовые принципы находят свое «незаметное», казалось бы, воплощение и охраняют силу процессуального закона. Интерференция всех групп принципов предопределена и служит выполнению целей и задач правосудия. Нельзя не согласиться с А.Т. Боннером, полагающим, что все принципы гражданского процессуального права — важные демократические гарантии правосудия по гражданским делам¹². То же самое можно сказать и о других процессуальных отраслях права.

реализации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Самара, 2012. 27 с.

⁸ Например, такая позиция была озвучена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019) // БВС РФ. 2019. № 10.

⁹ См.: Ильин А.В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства // Закон. 2019. № 1. С. 95–101.

¹⁰ См.: Плотников Д.А. О системе научных подходов к пониманию принципов гражданского процессуального права // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2012. № 2 (1). С. 80–86.

¹¹ См.: Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5–10.

¹² Боннер А.Т. Принципы гражданского процессуального права // Гражданский процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. М., 2015. С. 56 (гл. 2).

Признаками общеправовых принципов, на наш взгляд, выступают:

1. *Универсальность*. Общеправовые принципы универсальны и единообразны для всех отраслей права, создавая основу для правового регулирования разных сфер общественной жизни. Идеичность, заложенная в них, даже в случае возникновения спора поможет найти оптимальные пути для разрешения проблемы. Суды, как основные органы, осуществляющие судебную власть, призваны руководствоваться этими установками не только с точки зрения соблюдения процессуальной формы, но и с той позиции, чтобы как можно тщательнее и всестороннее реализовать идейное начало применяемых в конкретном случае материальных правовых норм. Например, в одном из определений Верховного Суда Российской Федерации по делу об увольнении обращено внимание на актуальность применения общеправового принципа гуманизма, поскольку при назначении истине самого тяжкого дисциплинарного взыскания ни работодатель, ни суды не учли обстоятельность, предшествующие совершенному проступку, поведение работника, а также его положительную характеристику за период работы в организации¹³.

2. *Нормативность* как необходимое условие обязательности общеправовых принципов выражается в закреплении их в Конституции Российской Федерации. При этом не исключается и отраслевое регулирование с дальнейшей детализацией в нормативных предписаниях для конкретного вида правоотношений.

Реализация общеправового принципа невозможна сама по себе исключительно только из-за декларативности и аморфной обязательности в основном законе страны. Требуются целенаправленные действия субъектов власти, констатирующие применение таких принципов (правотворческая и правоприменительная конкретизация)¹⁴. И чем чаще это будет происходить, тем лучше, поскольку законы в глазах общества приобретут социальную привлекательность,

возрастет уважение к демократическим ценностям и устоям. Разумно согласиться с тезисом О.Ю. Рыбакова о потребности современного общества постоянно формировать привычку уважения прав личности, которую можно выработать исключительно «в условиях постоянного, систематического подтверждения со стороны государства»¹⁵.

3. *Императивность* (обязательность) в качестве признака проявляется в некоей стандартизации правоприменительного процесса с подключением работы всей системы общеправовых принципов, а не по выбору суда. Традиционным примером такого стандарта отправления правосудия является ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, где изложены конститутивные и институциональные принципы справедливого судебного разбирательства, но в отличие от них общеправовые принципы универсальны и распространяют свое действие на любые правовые порядки.

4. *Дискреционность* напрямую связана с развитием общеправовых принципов в юридической практике, в частности, в судебной. Суд как независимый субъект процессуальных правоотношений наиболее объективно выражает волю законодателя благодаря системному подходу к разрешению спора. Как отмечает С.Ю. Некрасов, судебское усмотрение возникает при наличии выбора из нескольких легитимных вариантов¹⁶. В любом случае дискреция не происходит интуитивно, а основывается на целом комплексе процессуальных средств и конструкций, используемых в судебном процессе. Одним из таких незаменимых средств в случае сомнения по поводу выбора наиболее правильного и приемлемого разрешения конфликта служит опора на общеправовые принципы. Аналогия права, в частности, реализуется благодаря принципу законности. Оценочные категории «добросовестность», «разумность» обретают свою огранку исключительно под натиском принципа справедливости.

Приведем пример. Гражданка Н. обращается в суд с заявлением о предоставлении отсрочки исполнения решения суда, мотивируя тем, что у нее недавно родилась

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2019 г. № 5-КГ19-97 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁴ См.: Дмитриев С.Д. К вопросу о методологических основах исследования проблем реализации принципов права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologicheskikh-osnovah-issledovaniya-problem-realizatsii-printsipov-prava> (дата обращения: 21.03.2021).

¹⁵ Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Юрист-правовед. 2004. № 4 (11). С. 24.

¹⁶ См.: Некрасов С.Ю. Судейское усмотрение как обязанность судьи // Российский судья. 2016. № 11. С. 53.

дочь, она не работает, находится в отпуске по уходу за ребенком, вновь пребывает в состоянии беременности, у нее нет никаких доходов, оплачивает жилье по договору найма. Нижестоящие инстанции отказали в предоставлении заявительнице отсрочки, ссылаясь на имеющийся доход у ее супруга. Кассационная инстанция признала судебные решения неправильными, объяснив свою позицию неправильным подходом судов к интерпретации такого законного основания предоставления отсрочки, как наличие обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного акта. Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал применять системный подход к толкованию ст. 434 ГПК РФ и п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», анализируя конкретную ситуацию с точки зрения принципа справедливости¹⁷.

¹⁷ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 сентября 2017 г. № 77-КГ17-21 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2021).

5. *Темпоральность* как признак общеправовых принципов обусловлен тесной взаимосвязью права и политики, экономическими и социальными явлениями, происходящими в государстве. Таким образом, перечень этой категории принципов исторически эволюционирует и характеризуется динамичностью, что обусловлено субъективными факторами. Отраслевые принципы цивилистического процесса по большей своей части постоянны, объективны (состязательность, диспозитивность, гласность, осуществление правосудия только судом) и не зависят от воли правящей элиты.

С учетом изложенного полагаем, что проблема общеправовых принципов в цивилистическом процессе недостаточно проработана на современном этапе реформирования судебной власти. По нашему мнению, с учетом указанных выше признаков к этой группе принципов следует отнести принципы демократизма, гуманизма, законности, равенства и справедливости. Особенности их воздействия на осуществление правосудия по гражданским и административным делам — тема самостоятельного исследования.

Литература

1. Боннер А.Т. Принципы гражданского процессуального права / А.Т. Боннер // Гражданский процесс : учебник для бакалавров / ответственный редактор В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. Москва : Проспект : МГЮА, 2015. 735 с.
2. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации / А.А. Демичев // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5–10.
3. Дмитриев С.Д. К вопросу о методологических основах исследования проблем реализации принципов права / С.Д. Дмитриев // International Scientific Review. 2016. № 1 (11). С. 70–72.
4. Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Д. Дмитриев. Самара, 2012. 27 с.
5. Ильин А.В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства / А.В. Ильин // Закон. 2019. № 1. С. 95–101.
6. Некрасов С.Ю. Судейское усмотрение как обязанность судьи / С.Ю. Некрасов // Российский судья. 2016. № 11. С. 51–55.
7. Плотников Д.А. О системе научных подходов к пониманию принципов гражданского процессуального права / Д.А. Плотников // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2 (1). С. 80–86.
8. Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды / О.Ю. Рыбаков // Юрист-правовед. 2004. № 4 (11). С. 23–26.
9. Федулова С.Н. Принципы гражданского процессуального права: понятие и нормативное закрепление : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Н. Федулова. Санкт-Петербург, 1993. 18 с.

Степин

Александр Борисович,

судья Астраханского

областного суда,

кандидат юридических наук,

доцент

aleksandrstjopin@rambler.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-8-12

Правовой конфликт в механизмах защиты гражданских прав

Понятие правового конфликта является общим (межотраслевым) и одновременно основным в частноправовых и публично-правовых механизмах защиты гражданских прав наряду с вопросами выбора надлежащего способа защиты, подсудности спора, соблюдения официально установленного порядка (процедуры). В условиях правовой конфликтности практически значимым представляется исследование причин возникновения, динамики развития и возможности управления конфликтом. Автор исходит из того, что основанные на правовом и индивидуальном (договорном, локальном, судебном) регулировании правовые конфликты рассматриваются в двух формах (типах) — как саморегулируемые (консенсуальные, неконфронтационные) и квалифицированные (правоприменительные, конфронтационные), отражая развитие правоотношения от ошибочных действий до деликта. Направленные на восстановление нарушенного (оспариваемого) права конфликты позволяют разрешить спор о праве, о законности (недобросовестности) действий (бездействия), преодолеть недостатки законодательства. В этой связи гражданско-правовые и административно-правовые конфликты являются определяющими.

Ключевые слова: правовой конфликт, механизмы защиты гражданских прав, субъективные гражданские права и обязанности, основные элементы механизмов защиты гражданских прав, стадии защиты гражданских прав, частноправовые и публично-правовые механизмы защиты гражданских прав, способы защиты гражданских прав, средства защиты гражданских прав, форма защиты.

Правовой конфликт является межотраслевым понятием, основанным на реализации субъективных прав и обязанностей в условиях защиты, связанной с выбором, предусмотренных законом и судебной практикой способов (средств), судебных и (или) несудебных форм, в соответствии с официально установленным порядком (процедурой). Многоаспектное исследование правового конфликта как «проблемной зоны»¹ в юрисдикционном процессе и (или) претензионной материально-правовой процедуре² позволяет рассматривать его как общее понятие для искового порядка

разрешения спора о праве, законности (недобросовестности)³ действий (бездействия). Отличие в том, что связанная с субъективным правом обязанность реализуется участниками конфликта в плоскости частноправовых и публично-правовых отношений. В этом случае восстановление субъективных прав заявителя и (или) обязанной стороны⁴ осуществляется в гражданско-правовом и ином административно-правовом порядке. Например, по требованиям о возмещении ущерба ответчиками выступают не только граждане и организации, но и субъекты административных и иных публичных отношений,

¹ См.: Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография. М. : Янус-К, 2016. С. 16.

² См.: Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 14.

³ См. п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

⁴ См.: Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. С. 39.

обладающие властными полномочиями. При этом орган государственной власти, орган местного самоуправления и их должностные лица, муниципальные служащие могут быть ответчиками в различных гражданско-правовых и административно-правовых судебных (исковых) и несудебных (заявительных) производствах, несмотря на то, что первоначально заявителем спора являлся гражданский истец.

Научное исследование сущности и содержания правового конфликта дает возможность понять не только предпосылки и условия его возникновения, но и последствия развития, смоделировать механизм управления конфликтной ситуацией, определить пути и способы предотвращения и наиболее эффективного разрешения конфликтов⁵, например, такие, как урегулирование, устранение, ликвидация, консенсуализация, предупреждение⁶. Вместе с тем вопрос о роли правового конфликта в механизмах защиты гражданских прав не получил комплексного (междисциплинарного) исследования. Отдельные вопросы затронуты в работах в области общей теории права (С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.И. Байтин, Н.В. Витрук, В.В. Лазарев, А.В. Малько), конституционного права (О.Е. Кутафин), административного права (Д.Н. Бахрах, В.Д. Сорокин), гражданского права (В.М. Баранов, В.М. Горшенев, Е.А. Суханов, В.А. Юсупов), процессуального права (А.Т. Боннер, Д.М. Чечот, М.А. Викут, Р.Е. Гукасян, А.А. Добровольский), трудового права (В.И. Смоллярчук, Е.А. Голованова, С.А. Голощапов, В.Н. Толкунова), земельного права (И.А. Иконницкая), международного права (Д.Б. Левин, Э.А. Пушмин).

Правовой конфликт подлежит рассмотрению как средство защиты, на-

правленное на совершенствование законодательства и восстановление гражданских прав в частноправовых и публично-правовых отношениях. Выполняя конструктивные функции, конфликт выявляет и (или) устанавливает слабые места в социальных отношениях, законодательстве и судебной практике; недостоверность заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ)⁷; злоупотребление правами, со ссылкой на отсутствие мер по согласованию общей позиции по выходу из корпоративного конфликта⁸; обеспечение стабильности общественных отношений в сфере гражданского оборота⁹; пути устранения возможного конфликта интересов акционеров и эмитента¹⁰; перераспределение полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти¹¹; «скрытое управление» (перевод капиталов в офшорные зоны, трастовое управление, скрытое субсидирование, корпоративное поглощение и т.д.)¹² и др.

Деструктивным выражением конфликта является длительность неисполнения обязательств, невозможность и (или) затруднительность осуществления (развития) хозяйственной деятельности¹³,

⁷ См. п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

⁸ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2018 г. № 307-ЭС18-8057 по делу № А56-29948/2017.

⁹ См. п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2019 г. № 136-О.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ См.: Третьяк И.А. Конституционно-правовой конфликт в муниципальном праве // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 63–66.

¹² См.: Саркисов А.К. Конфликты в сфере налоговых отношений: теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 20.

¹³ См. п. 11 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.

⁵ См.: Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 6.

⁶ См.: Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 23.

признание заключенных сделок (контрактов) ничтожными (п. 2 ст. 168 ГК РФ)¹⁴ и др.

Причиной правового конфликта является административное давление, когда участник правоотношения лишен возможности реализовать право на выбор способов защиты, противодействие контрагента (контрагента) способу защиты как с помощью реализации встречного способа защиты, так и противоречивой инициативы, когда она приобретает негативное влияние на механизмы защиты через «категории морального права (справедливости-несправедливости) или нравственной истины (правды-лжи)»¹⁵, лишенной защитной цели и направленной на воспрепятствование восстановлению нарушенного (оспариваемого) права. В первом случае это выход за пределы реализации субъективного права и деструктивность в нормативном правовом регулировании. Во втором — это совершение немотивированных процессуальных действий, «выходящих за рамки процессуальной деятельности»¹⁶, участие в недобросовестном заявлении неосновательного (гражданского, административного) иска, противодействие систематическому правильному и своевременному рассмотрению и разрешению (гражданского, административного) дела, невыполнение процессуальных

обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса и др.

В механизмах защиты гражданских прав конфликты определяют положение участников правоотношения, которые одновременно или последовательно могут находиться в сфере гражданских и административно-правовых отношений, как, например, субъекты малого и среднего предпринимательства. При этом определяющим для защиты является то, в сфере каких отношений реализуются субъективные права (обращение, обеспечение) и исполняются обязанности (восстановление). Другой особенностью конфликтов является отражение правового положения объектов гражданских прав при реализации принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов (ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации), наличии объекта недвижимости (объект незавершенного строительства) и вновь возводимого объекта¹⁷ и др.

В зависимости от выбора способа защиты и связанных с ним средств, форм и процедуры правовые конфликты подразделяются на саморегулируемые (консенсуальные, неконфронтационные) и квалифицированные (правоприменительные, конфронтационные), частно-правовые и публично-правовые конфликты. Связь конфликтов выражается в том, что каждый гражданский спор вытекает из конституционных, административных, финансовых, земельных, гражданских, семейных¹⁸ и трудовых правоотношений¹⁹. Такие же характеристики применимы к административным и иным публичным спорам (п. 2 ст. 11 ГК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 22 Гражданского процессуального кодекса РФ). Например,

¹⁴ См. п. 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 г.

¹⁵ См.: Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография. М. : Янус-К, 2016. С. 16.

¹⁶ См.: Сорокина В.В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 19; Степин А.Б. Судебные процессуальные административно-правовые способы защиты гражданских прав субъектов малого и среднего предпринимательства // Российский судья. 2019. № 12. С. 15.

¹⁷ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 309-ЭС19-14034 по делу № А76-5813/2018.

¹⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 5-КА19-52.

¹⁹ См.: Андреев Ю.Н. Указ. соч. С. 304.

оспаривание нормативного правового акта или кадастровой стоимости объекта недвижимости осуществляется в сфере административных отношений, однако их результаты позволяют защитить нарушенное гражданское право. В другом случае разрешение спора о взыскании задолженности по договору кредита, или о выселении должника, или взыскании суммы ущерба и др. сопряжено с исполнением судебного акта и возможностью рассмотрения требований об освобождении от взыскания исполнительского сбора в административном порядке, но по основаниям ст. 401 ГК РФ.

Представляется важным не отделение друг от друга конфликтов, а рассмотрение их в последовательности реализации, исходя из способа, формы и официально установленного порядка (процедуры) защиты нарушенного (оспариваемого) права. Отличие в том, что если способ защиты выбирается заявителем, то порядок его реализации определяется законом. Противоречие между свободой выбора способа и формы защиты, с одной стороны, и требованием закона к порядку защиты нарушенного (оспариваемого) права приводит к возникновению **основного правового конфликта**, что находит выражение в спорах о надлежащем способе защиты, подсудности, соблюдении несудебного и судебного порядков.

Обращаясь к понятию правового конфликта, следует отметить, что в законодательстве оно рассматривается в основном как «конфликт интересов». Вместе с тем не уделяется внимание самому понятию конфликта (от лат. *conflictus* — столкновение), с **присущими** ему противоречиями во взглядах и в отношениях, столкновениями расходящихся, противоположных интересов, острым спором²⁰, объектами, предметом, формами, видами, **характеризующей** правовое содержание процесса (процедуры) защитой нарушенного или

оспариваемого права, что **применимо** к правоохранительным²¹ и регулятивным (договорным) отношениям в динамике их развития.

С точки зрения М.Е. Эрлих, под конфликтом интересов в праве понимаются реально или потенциально возможные отношения, основанные на столкновении интересов различных субъектов, причиняющие или могущие причинить им вред²². С позиции С.Ю. Щеколдина, конфликт интересов следует рассматривать как ситуацию, при которой личная заинтересованность государственного служащего влияет на объективное исполнение им должностных обязанностей и противоречит интересам государства²³. В отдельных случаях (корпоративные исследования) конфликт рассматривается как комплекс общественных отношений, подлежащих правовому регулированию²⁴. Правовой конфликт — столкновение интересов субъектов права, возникающее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права, а также противоречие, при котором стороны либо третьи лица обязательно прибегают к необходимой юридической процедуре его разрешения в форме управления, урегулирования либо разрешения юридическим способом²⁵. С точки зрения В.С. Жеребина, юридический (правовой) конфликт есть предметное противоборство потребностей и интересов его контрсубъектов,

²¹ См.: Тюрин В.А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 5.

²² См.: Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 13.

²³ См.: Щеколдин С.Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. С. 6.

²⁴ См.: Шимбарева Е.В. Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 10.

²⁵ См.: Романенко М.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 7.

²⁰ См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011.

возникающее на основе предельного обострения противоречий и в результате взаимодействия их правомерного и неправомерного (противозаконного) поведения²⁶. Важно продолжить, что особенностью конфликта является его развитие (рассмотрение) в предусмотренном законом порядке в зависимости от вида и характера правоотношения.

В условиях механизмов защиты гражданских прав **правовой конфликт** рассматривается как стадия (форма, фаза) развития правоотношения, на которой правоотношение перестает быть саморегулируемым и становится конфликтным (квалифицированным),

требующим для своего разрешения предусмотренных законом и правовыми положениями судебной практики способов защиты и соответствующих им способов восстановления нарушенного или оспариваемого гражданского права.

Подводя итоги, следует заключить, что правовой конфликт является предметом междисциплинарного правового исследования. Отражая развитие правоотношения, правовой конфликт закрепляет положение участников спора как процессуально самостоятельных субъектов, наделенных правом выбора способов защиты. При управлении конфликтом достигаются цели восстановления нарушенного (оспариваемого) права.

²⁶ См.: Жеребин В.С. Указ. соч. С. 23.

Литература

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю.Н. Андреев. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2016. 464 с.
2. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения: теоретико-правовое исследование : автореферат диссертации доктора юридических наук / П.А. Астахов. Москва, 2006. 59 с.
3. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере : монография / А.К. Жарова. Москва : Янус-К, 2016. 248 с.
4. Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.С. Жеребин. Нижний Новгород, 2001. 51 с.
5. Романенко М.А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.А. Романенко. Саратов, 2008. 18 с.
6. Саркисов А.К. Конфликты в сфере налоговых отношений: теория и практика правового регулирования : автореферат диссертации доктора юридических наук / А.К. Саркисов. Москва, 2006. 55 с.
7. Сорокина В.В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Сорокина. Саратов, 2009. 22 с.
8. Шимбарева Е.В. Корпоративные конфликты и контроль: гражданско-правовой аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Шимбарева. Ростов-на-Дону, 2010. 30 с.
9. Шеколдин С.Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.Ю. Шеколдин. Воронеж, 2011. 24 с.
10. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.Е. Эрлих. Москва, 2012. 23 с.

**Борисова
Виктория Федоровна,**
доцент кафедры
гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук
vfb2709@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-13-17

Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы*

Статья посвящена анализу процессуальных сервисов ГАС «Правосудие», КИС СОЮ, суперсервиса «Правосудие онлайн». В результате проведенного сравнения выявлены полноценно и неполноценно функционирующие процессуальные опции, а также обстоятельства, препятствующие их применению. Автором обозначеныстораживающие тенденции, связанные с цифровизацией правосудия. Среди них: параллельное сосуществование множества информационных платформ судов с различными «электронными» процессуальными сервисами; привязка апробируемых автоматизированных информационных систем к судам определенного региона; размывание сущности правосудия как вида правоприменительной государственной деятельности, посредством которой осуществляется судебная власть; неразрешенность проблем правового регулирования, отягощенная наслоением новых пробелов, обусловленных цифровизацией правосудия и применением искусственного интеллекта. В связи с этим автором определены направления совершенствования правового регулирования процессуальных правоотношений, реализуемых в электронном формате.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровизация, ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн».

Мощный технический прогресс обусловил внедрение электронных технологий во все сферы жизни общества. Не стала исключением и судебная система, активная информатизация которой началась в конце 90-х гг. XX в. и сопровождалась принятием Концепции информатизации судов общей юрисдикции, одобренной Советом судей Российской Федерации 29 октября 1999 г.¹. Основная идея концепции заключалась в оснащении судов и Судебного департамента средствами информатизации — компьютерами, оргтехникой, унифицированным специальным программным обеспечением; в создании базы данных статистики и судебного делопроизводства.

Разрозненность информационных систем, используемых для обеспечения судопроизводства, привела к осознанию необходимости формирования единого информационного пространства судов. Эта идея материализовалась в Концепции информатизации судов общей юрисдикции, утвержденной постановлением Совета судей Российской Федерации от 11 апреля 2002 г. № 75 и предусматривающей создание государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Платформой для проведения соответствующих мероприятий стала федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 гг., а затем и на 2007–2011 гг., нацеленная на формирование единой информационной технологии судебного делопроизводства; на доступность для

¹ См.: Постановление Совета судей Российской Федерации от 29 октября 1999 г. № 19 «Об информатизации судов общей юрисдикции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2021).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

судей всего объема информации о законодательстве Российской Федерации и судебной практике². В результате разработаны и эксплуатируются судами государственные автоматизированные системы «Правосудие» и «Мой арбитр». Постепенно приоритет в развитии информационных систем сместился с обеспечения функционирования судебного делопроизводства, статистики и архива в сторону «электронной» реализации процессуальных полномочий участников процесса. В связи с этим в юридический обиход вошло понятие «электронное правосудие». В настоящее время оно не получило своего законодательного закрепления. Согласно приказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 электронное правосудие — это «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»³. Основой мероприятий по созданию мобильного и электронного правосудия стала федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»⁴.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2002–2006 годы» // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4623; Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы» // СЗ РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

³ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

⁴ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406

Основным сервисом на портале ГАС «Правосудие», обслуживающим процессуальные задачи, является раздел официального сайта суда «Подача процессуальных документов в электронном виде». Посредством данного сервиса реализуется возможность направления в суд состязательных бумаг (исковых заявлений, заявлений, ходатайств, письменных доказательств, возражений на иск, объяснений сторон и др.). В существующие автоматизированные информационные системы активно внедряются и другие «процессуальные» сервисы: СМС-извещение о времени и месте судебного заседания, аудиопrotocolирование и видео-конференц-связь судебных заседаний, обжалование судебных постановлений и проч.

Полноценному осуществлению процессуальных прав через портал ГАС «Правосудие» препятствуют многие обстоятельства технического и юридического характера:

— необходимость распечатки поступивших в суд материалов и дублирование электронных документов бумажными оригиналами;

— отсутствие правового регулирования последствий электронной подачи документов в суд;

— отсутствие «процессуального» отклика от суда на электронное обращение;

— ограниченный объем документов, отправляемых в суд в электронной форме;

— необходимость использования программ конвертации файлов из одного формата в другой формат, установленный Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа⁵;

⁵ «О федеральной целевой программе “Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы”» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.

⁵ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде,

— отсутствие в законе понятия, порядка обеспечения и правил исследования судом «электронных» доказательств;

— нерешенность вопроса о допустимости и порядке исследования доказательств в судебном заседании, проводимом в порядке видео-конференц-связи;

— невозможность ознакомления с материалами дела через систему в силу отсутствия доступа к делу и его самого в электронном виде;

— фактическая невозможность получения лицами, участвующими в деле, заверенных копий судебных постановлений с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

— пробел в правовом регулировании последствий отсутствия аудиопротокола судебного заседания или несоответствия протокола судебного заседания его аудиоверсии.

Отдельные недостатки удалось преодолеть в Комплексной информационной системе судов общей юрисдикции, действующей в судах г. Москвы, путем совершенствования сервисов, аналогичных существующим на портале ГАС «Правосудие», а также запуска новых «процессуальных» опций. Сопоставление процессуальных опций ГАС «Правосудие» и КИС СОЮ показывает, что идентичные процессуальные права и обязанности участников судебного процесса реализуются с большим технологическим разрывом в пользу московских судов. Успешно функционируют опции подачи документов, ознакомления с материалами дела, получения заверенных судебных постановлений, видео-конференц-связи, аудиопротоколирования.

Анализ обеих систем свидетельствует о единой проблеме недостаточности правового регулирования «электронного правосудия». Общими направлениями совершенствования правового регулирования процессуальных право-

отношений, реализуемых в электронном формате, являются:

— создание блока правовых норм, касающихся принятия или отказа в принятии искового заявления, поданного в электронном виде;

— урегулирование порядка обеспечения, приобщения, аутентификации, исследования электронных доказательств и доказательств, поданных в электронном виде, а также порядка исследования вещественных и письменных доказательств в судебном заседании, проводимом в формате видео-конференц-связи;

— урегулирование последствий отсутствия аудиопротокола судебного заседания или несоответствия протокола судебного заседания его аудиоверсии.

Автоматизированные информационные системы судов имеют различия в процедуре подачи и приема документов в электронном виде. В Гражданском процессуальном кодексе РФ отсутствуют такие понятия, как «технический отказ» или «отклонение заявления», а также правила их процессуального оформления, которые закреплены в ведомственных судебных документах.

Вызывает вопросы техническое приобщение процессуальных документов, поданных в электронном виде, к гражданскому делу. Возможность автоматического отнесения процессуального документа к конкретному делу по номеру (штрих-коду) прогрессивна и обеспечивает синхронное формирование «электронного дела» без дополнительных усилий со стороны персонала суда. К документам заявительного характера, доступным для подачи в суд в электронном виде, может быть добавлен файл определенных типов и объема. Надо полагать, что техническое приобщение документа к делу не носит значения самостоятельного окончательного процессуального действия и подразумевает решение вопроса о принятии документа в судебном заседании в формате удовлетворения судьей ходатайства или заявления. На данном этапе раз-

в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

вития «электронных» процессуальных правоотношений мы сталкиваемся с проблемой соблюдения классической гражданской процессуальной формы и базисных принципов гражданского процессуального права. Решение вопроса о приобщении документов к делу вне судебного заседания нарушает принцип состязательности, тогда как электронная подача документа с последующим дублированием процессуального действия в суде снижает эффективность и оперативность электронного взаимодействия участников судопроизводства. Ситуация спорного соотношения технических и процессуальных действий субъектов не единична и порождает несколько острых потребностей: в теоретическом обосновании порядка реализации процессуальных действий в электронном формате, модернизации процессуального законодательства в аспекте правового регулирования осуществления процессуальных действий в электронной форме, создании унифицированной информационной среды судебной системы, технологическом скачке от электронного к цифровому правосудию.

Процесс цифровизации российского правосудия активирован. В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» сформированы условия для развития цифровой экономики⁶. В числе первоочередных задач названо снятие барьеров для развития цифровой экономики посредством разработки необходимой нормативной базы. Электронное правосудие означает автоматизацию судебного документооборота, а также действий суда и участников процесса. Цифровизация правосудия предполагает переход

к применению искусственного интеллекта, более широкому использованию электронных документов, реализации максимума процессуальных прав и обязанностей дистанционно, удаленному участию в судебных заседаниях, электронному межведомственному взаимодействию судов с другими государственными органами и т.д.

Пилотной платформой цифрового правосудия станет суперсервис «Правосудие онлайн», размещенный на портале «Госуслуги». Функционал суперсервиса позволит автоматически определить суд, рассматривающий дело в соответствии с правилами подсудности, получать документы и уведомления в электронном виде, получить доступ к материалам дела для ознакомления, рассчитать и оплатить государственную пошлину, принять участие в процессе в удаленном режиме с идентификацией участника по биометрическим данным. Консультативное сопровождение пользователя обеспечит интерактивный помощник. По замыслу создателей суперсервиса при помощи технологии искусственного интеллекта появится возможность составлять проекты судебных актов на основе анализа обращения заинтересованного лица и материалов дела⁷. С внедрением новой автоматизированной информационной платформы, обеспечивающей деятельность судов по осуществлению правосудия, складывается несколько настоящих тенденций:

1. Параллельное «сосуществование» в сфере судопроизводства множества информационных платформ, различных по набору «электронных» процессуальных сервисов, порядку их использования, техническим требованиям к документам, последствиям их подачи, степени применения искусственного интеллекта.

⁶ См.: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7). Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте: <https://digital.gov.ru> (по сост. на 09.07.2019).

⁷ См.: Момотов В. Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку. URL: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/?fbclid=IwAR2lQuy18K3bCH> (дата обращения: 05.03.2021).

2. Географическая привязка автоматизированных информационных систем к судам определенного региона, которую, возможно, следует рассматривать как способ апробации.

3. Размывание понятия и сущности правосудия как вида правоприменительной государственной деятельности, посредством которой осуществляется судебная власть. Появление суперсервиса «Правосудие онлайн» на портале «Госуслуги» заставляет задуматься о правовой природе электронных услуг и их соотношении с деятельностью суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел с целью защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов, урегулированной процессуальным законодательством. В данном случае юридические услуги входят в группу услуг социальной сферы, предоставляемых государством через Интернет. Отметим, что суды не предоставляют консультативные услуги, следовательно, юридическое сопровождение пользователя интерактивным помощником находится вне пределов правосудия. Ряд опций суперсервиса «Правосудие онлайн» носит служебно-вспомогательный характер, например определение подсудности, оплата государственной пошлины, получение электронных уведомлений. Другие опции направлены на обеспечение реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле, по получению доступа к делу, дистанционному участию в судебных заседаниях, получению

документов, то есть вторгаются в сферу процессуальной деятельности суда по осуществлению правосудия. Вовлечение суда в предоставление «процессуальной услуги» очень спорно.

4. Неразрешенность существующих проблем правового регулирования электронного правосудия, отягощенная наложением новых пробелов, возникновение которых связано с цифровизацией правосудия и применением искусственного интеллекта. Инфраструктура автоматизированных информационных систем ГАС «Правосудие», «Мой арбитр» позволяет разграничить обслуживающие и процессуальные разделы платформ. Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев справедливо разделяют понятия «электронное делопроизводство в сфере правосудия» и «электронное правосудие», подчеркивая служебный характер автоматизации отдельных процессуальных действий, из чего следует различие в уровне правового регулирования⁸. Цифровизация правосудия приносит новые требования к правовому регулированию, поскольку на смену классическим процессуальным действиям, получившим электронную реализацию, приходит автоматизированное взаимодействие суда и других участников процесса с преобладанием интеллектуальной составляющей.

⁸ См.: Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 478.

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА
Инвентар № _____
_____ 20 ____ йил

Литература

1. Валеев Д.Х. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 45. С. 467–489.
2. Кривцов Э. Виктор Момотов: Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку / Э. Кривцов // Legal.Report. 2020. 26 февраля.

Опалев Рим Олегович,

доцент кафедры гражданского
и административного
судопроизводства

Российского государственного

университета правосудия,

кандидат юридических наук, доцент
opalevrim@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-18-22

Предмет судебной защиты в административном судопроизводстве

Статья содержит анализ актуальных проблем разграничения предметов правового регулирования Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Опираясь на сравнительно-правовые и исторические исследования, автор критикует положения теории и современной судебной практики, делает выводы о состоянии и перспективах развития доктрины, судебной практики по обозначенной проблеме. В частности, в статье приводятся аргументы в пользу изменения сложившегося в советский период подхода к разграничению гражданских и административных дел, указывается на отсутствие оснований для применения данного подхода в настоящее время.

Ключевые слова: административный спор, административное дело, административный иск, административная юстиция, компетенция судов.

Ответ на вопрос о том, что является предметом судебной защиты в административном судопроизводстве, может видаться очевидным лишь при первом погружении в проблему. Несомненно, предметом судебной защиты, как правило, выступают права индивидуальных и коллективных субъектов¹, вытекающие из административных, налоговых, избирательных и иных публичных правоотношений². Данное утверждение сразу же можно дополнить суждением о том, что предметом судебной защиты также являются свободы и законные интересы³, публичные интересы⁴ в соответствующих сферах общественных отношений.

Вместе с тем при более глубоком анализе проблемы становится ясным, что в значительном числе случаев права из публичных правоотношений неразрывно связаны с правами из гражданских и иных частных правоотношений и любое решение о первых неминуемо оказывает влияние на вторые. Ярким примером здесь выступают дела, связанные с оспариванием решений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей. Лишь незначительная часть споров в сфере исполнительного производства (споры по требованиям об освобождении имущества от ареста, о возмещении убытков, причиненных в результате совершения исполнительных действий) исключена законодателем из предмета правового регулирования Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ). Большинство таких споров рассматриваются в порядке административного судопроизводства, что не вызывает серьезных возражений в теории. Между тем при разрешении соответствующих дел суды защищают не только и не столько публичные, сколько частные субъективные права сторон исполнительного производства.

¹ См. об этих понятиях: Бахрах Д.Н. Административное право. М., 2001. С. 25–26.

² См. о понятии публичных правоотношений: Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2007. С. 250–251; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». П. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. о соотношении понятий права, свободы и законного интереса: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М., 2010. С. 131–133; Кляус Н.В. Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве. Новосибирск, 2005; Субочев В.В. Законные интересы. М., 2008; Конституционное право России: учебник. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 141–144.

⁴ См. подроб.: Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М., 2010.

С. 147–148; Его же: Предмет судебной защиты по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5.

Например, при оспаривании действия судебного пристава-исполнителя, связанной с проникновением в жилое помещение, защищаются не столько процедурные права должника (они для него вторичны), сколько его право на жилище (ст. 3 Жилищного кодекса Российской Федерации). При оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя об оценке имущества, которым занижена его рыночная стоимость, защищаются гражданские имущественные интересы сторон исполнительного производства, в том числе право собственности должника. При оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на пенсию должника-гражданина в размере, при котором у должника не остается минимума имущества, необходимого для его существования, защищаются не только и не столько процедурные права должника, сколько его право на социальное обеспечение (ст. 9 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)⁵. Перечень таких примеров можно продолжать бесконечно.

Вместе с тем в теории и судебной практике не всегда учитывается, что публично-правовые споры зачастую предполагают защиту прав из частно-правовой сферы. Причины этого следует искать в истории вопроса.

В советский период действия Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. дела, возникающие из административно-правовых отношений, были подведомственны судам лишь в случаях, указанных в законе. Напротив, дела по спорам, возникающим из частных правоотношений (гражданских, семейных, трудовых, колхозных), если хотя бы одной из сторон в споре являлся гражданин или колхоз, подлежали по общему правилу рассмотрению судами. Исключения составляли лишь случаи, когда разрешение споров из частных правоотношений было прямо отнесено законом к ведению административных или иных органов (ст. 25 указанного кодекса).

В таких условиях в доктрине была сформирована позиция, согласно кото-

рой отличительным признаком изучаемого нами производства является административный характер правоотношений «в чистом виде», не осложненный какими бы то ни было элементами других правоотношений⁶. Иными словами, считалось, что как только в публично-правовом споре возникают хоть какие-то частно-правовые элементы (вопросы о защите частных прав и законных интересов), он сразу же становится спором из гражданских или иных частных правоотношений, подлежащим рассмотрению по общему правилу судом в порядке искового производства. С учетом существовавшего в то время процессуального правового регулирования такая позиция, безусловно, являлась прогрессивной, направленной на расширение сферы действия права советских граждан на судебную защиту.

К сожалению, указанная позиция осталась на вооружении ученых и практиков и после того, как дела о защите прав из публичных правоотношений стали подведомственны судам согласно общему правилу, закрепленному в ст. 46 Конституции Российской Федерации, а не в порядке исключения. В связи с таким подходом теории и практики к осмыслению конституционного и процессуального законодательства некогда прогрессивная позиция советской доктрины, сохранившись после изменения законодательства, в текущих условиях приобрела реакционный характер, поскольку в результате ее применения при толковании действующего права граждане и организации в отдельных случаях ставятся в менее выгодное положение в спорах с властью, чем в то, которым они могли бы обладать.

Так, заслуживает критики мнение И.А. Приходько, который, ссылаясь на высокую нагрузку судов, возникающую при рассмотрении двух дел (гражданского и административного) вместо одного дела (гражданского), говорит о принципиальной возможности рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства любого административного дела⁷. При этом автор

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Чечот Д.М. Административная юстиция. Л., 1973 // Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 376.

⁷ Приходько И. Процессуальная революция. Какие задачи удалось, а какие не получилось решить? // Журнал РШЧП. 2019. № 3. С. 43; и др.

опирается на ч. 1 ст. 33.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ, которые предусматривают, что дело подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства при обращении в суд с заявлением, содержащим несколько связанных между собой требований, из которых одни подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие — в порядке административного судопроизводства, если разделение требований невозможно.

В соответствующей правовой норме абсолютно четко указано, что рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства требований, подлежащих рассмотрению по правилам КАС РФ, может осуществляться лишь в случаях, когда такие требования не просто связаны с гражданско-правовыми требованиями, но, более того, разделение предъявленных в суд требований невозможно.

К подобного рода требованиям (требованиям, разделение которых невозможно), безусловно, не относятся, например, требования об оспаривании действий, решений (бездействия) органов государственной власти, соединенные с требованиями о возмещении причиненного ими вреда. Совершенно очевидно, что соответствующие требования могут быть предъявлены и рассмотрены отдельно друг от друга. Следовательно, их разделение не только возможно, но и необходимо, поскольку действующая редакция ГПК РФ не содержит ни одной правовой нормы, согласно которой требования об оспаривании действий, решений (бездействия) органов государственной власти могут быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства.

К сожалению, критикуемая нами позиция встречается не только на страницах периодической печати, но и в текстах судебных актов⁸.

⁸ См., например: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2020 г. № 88а-13223/2020; Апелляционное определение Московского городского суда от 10 апреля 2020 г. по делу № 33-12797/2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17 сентября 2020 г. № 33а-19335/2020 по делу № 9а-585/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи необходимы дополнительные корректные разъяснения указанных выше положений процессуального законодательства со стороны Верховного Суда Российской Федерации. С учетом изложенных соображений заслуживают дополнительного обсуждения также разъяснения, данные в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».

Таким образом, позиция, согласно которой осложнение публично-правовых споров теми или иными частно-правовыми вопросами само по себе влечет необходимость рассмотрения этих споров по правилам гражданского судопроизводства, не основана на действующем законодательстве (сегодня нет нормы процессуального права, в связи с которой эта позиция была сформирована). Более того, такая позиция деструктивна, так как ее применение ведет к необоснованному ограничению процессуальных прав граждан и организаций, предусмотренных процессуальной формой административного судопроизводства⁹ (в частности, к возникновению у них вытекающей из статьи 56 ГПК РФ процессуальной обязанности доказывать незаконность оспариваемого акта).

Характер спора (спорного отношения), как и прежде, остается основным критерием, служащим для разграничения порядков рассмотрения гражданских и административных дел.

Использование указанного критерия вызывало и будет вызывать сложности, поскольку появляются новые и новые категории дел и каждое дело имеет свои индивидуальные особенности. При этом во многих спорах сочетаются частно-правовые и публично-правовые элементы (вопросы), и иногда сложно однозначно решить, какой из них определяет природу соответствующего спора: публичную или частно-правовую. Однако такие сложности постепенно находят свое решение.

⁹ См. об особенностях данной формы защиты права: Опалев Р.О. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: пять лет в действии // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 43–46.

Число проблем, связанных с разграничением предметов правового регулирования КАС РФ и ГПК РФ, с момента введения в действие КАС РФ непрерывно снижается. Многие из них получили разрешение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем разрешить все проблемные вопросы раз и навсегда невозможно. Они существуют даже в тех правовых системах, в которых десятилетия назад приняты отдельные законы об административном судопроизводстве, созданы административные суды.

Очевидно, тем не менее, что опыт соответствующих стран может способствовать лучшему пониманию объективных проблем процессуального правового регулирования в нашей стране.

Во многих правовых системах Европы и Восточной Азии критерием отнесения того или иного дела (спора) к предмету правового регулирования законодательства об административном судопроизводстве выступает предмет спора. Предметом административного спора являются административный акт (Германия¹⁰, Сербия¹¹), соответствующий законный интерес, не ставший субъективным правом (Италия)¹², административное действие (Китай)¹³, административное решение (Финляндия), административное распоряжение (Япония). Предметом могут выступать также другие акты административных органов¹⁴, меры,

посредством которых был разрешен административный спор или прекращено административное производство¹⁵, административные договоры¹⁶, а также права и обязанности из них¹⁷.

Как показывает опыт зарубежных стран, введение любых критериев не влечет полного и однозначного решения всех вопросов о соотношении предметов правового регулирования законодательства о гражданском судопроизводстве и законодательства об административном судопроизводстве (даже спустя полвека и более). Такие вопросы возникают и обсуждаются и в названных выше странах.

Вместе с тем развитие судебной практики и правовой доктрины постепенно приводит к тому, что число спорных вопросов существенно сокращается. Свидетелями этого стали российские теоретики и практики спустя пять лет после введения в действие КАС РФ.

При возникновении в той или иной сфере общественных отношений наиболее серьезных сложностей, связанных с разграничением предметов правового регулирования КАС РФ и ГПК РФ, не исключается использование дополнительного критерия такого разграничения. Этим критерием может являться прямое указание закона об отнесении тех или иных категорий дел к предмету регулирования определенного кодекса.

Ярким примером в данном случае выступают дела о признании информации, размещенной в сети Интернет, запрещенной к распространению. Многочисленные разногласия по поводу этой категории дел были разрешены сначала путем дачи аргументированных разъяснений Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, а затем путем прямого указания соответствующих дел в перечне дел, подлежащих рассмотрению по правилам КАС РФ, в п. 2.2 ч. 3 ст. 1 данного кодекса.

Подводя итог проведенному анализу проблемы определения предмета

¹⁰ См.: Крефт Г. История административной подсудности в Германии // СПС «Консультант-Плюс».

¹¹ См.: Цунич В. История развития и актуальное состояние судебного контроля за деятельностью административных органов в Сербии // Судья. 2018. № 3. С. 56; и др.

¹² См.: Ченерелли А. Судебный контроль за административной деятельностью в Италии // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 4. С. 22–23; Silvestri E. Administrative Justice in Italy // BRICS Law Journal. 2016. Vol. III. Iss. 2. P. 73.

¹³ Административный процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (редакция, действующая с 2015 г.) (адаптивный перевод К.О. Огневой, перевод с кит. А.А. Малиновского) // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 1. С. 10–12.

¹⁴ Закон Японии о судебном процессе по административным делам / пер. и вступ. слово Р.О. Опалева. М.: Статус, 2018. С. 11–13.

¹⁵ Законодательство Финляндии об административном судопроизводстве и административных процедурах / пер. и вступ. слово Р.О. Опалева. М.: Статус, 2019. С. 57.

¹⁶ См.: Цунич В. Указ. соч. С. 56.

¹⁷ См.: Соловьев А.А. Французская модель административной юстиции. М., 2014. С. 100–109.

судебной защиты в административном судопроизводстве, можно сказать, что основным критерием для этого традиционно служил и должен служить характер спора (характер спорного правоотношения). При этом пора отказаться от сложившегося в советский период подхода, согласно которому все сомнения относительно правовой природы спора толкуются в пользу его гражданско-правовой природы.

Замена критерия в виде характера спора каким-либо другим критерием (например, исчерпывающим перечислением всех административных дел в тексте закона) приведет либо к искусственному

сужению круга дел, подлежащих рассмотрению по правилам КАС РФ (а следовательно, и к ограничению прав граждан в спорах с властью), либо к необходимости формирования теории и практики, что называется, с нуля. Последнее вряд ли оправданно, поскольку, как показывают сравнительно-правовые исследования в сфере административного судопроизводства, идеальных критериев разграничения предметов правового регулирования нет. При этом устоявшиеся (апробированные) в той или иной правовой системе критерии работают в ней наиболее эффективно.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административное право : краткий учебный курс / Д.Н. Бахрах. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2000. 275 с.
2. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
3. Закон Японии о судебном процессе по административным делам / перевод и вступительное слово Р.О. Опалева. Москва : Статут, 2018. 45 с.
4. Законодательство Финляндии об административном судопроизводстве и административных процедурах / перевод и вступительное слово Р.О. Опалева. Москва : Статут, 2019. 92 с.
5. Кляус Н.В. Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.В. Кляус. Новосибирск, 2007. 27 с.
6. Крефт Г. История административной подсудности в Германии / Г. Крефт // Ежегодник публичного права 2015 : Административный процесс. Москва : Инфотропик Медиа, 2015. С. 3–11.
7. Огнева К.О. Административный процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (редакция, действующая с 2015 г.) / К.О. Огнева, А.А. Малинский // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 1. С. 10–23.
8. Опалев Р.О. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: пять лет в действии / Р.О. Опалев // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 43–46.
9. Приходько И. Процессуальная революция. Какие задачи удалось, а какие не удалось решить? / И. Приходько // Журнал РШЧП. 2019. № 3. С. 41–56.
10. Соловьев А.А. Французская модель административной юстиции : монография / А.А. Соловьев. Москва : [б. и.], 2014. 241 с.
11. Субочев В.В. Законные интересы : монография / В.В. Субочев ; под редакцией А.В. Малько. Москва : Норма, 2008. 495 с.
12. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник для вузов / В.М. Сырых. 4-е изд., стер. Москва : Юстицинформ, 2007. 703 с.
13. Цунич В. История развития и актуальное состояние судебного контроля за деятельностью административных органов в Сербии // Судья. 2018. № 3 (87). С. 53–64.
14. Ченерелли А. Судебный контроль за административной деятельностью в Италии // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 4. С. 22–28.
15. Чечот Д.М. Административная юстиция : (теоретические проблемы) / Д.М. Чечот. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 132 с.
16. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д.М. Чечот. Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2005. 614 с.
17. Silvestri E. Administrative Justice in Italy / E. Silvestri // BRICS Law Journal. 2016. Т. 3. № 2. С. 67–79.

Морозова

Наталья Александровна,

доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета, судья Третьего арбитражного апелляционного суда, кандидат юридических наук
nastaly@narod.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-23-26

Недопустимость рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства

Автор статьи утверждает, что дела об административных правонарушениях в арбитражных судах не должны рассматриваться в порядке упрощенного производства, так как это противоречит существу административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, производство по делам об административных правонарушениях, арбитражные суды, арбитражный процесс, упрощенное производство.

Традиционно принято считать, что материальное содержание правоотношения диктует особенности его процессуального воплощения. Иначе говоря, содержание предопределяет форму. Однако надо признать и обратное влияние — необходимость уложить материальное правоотношение в заранее заданную последовательность процессуальных действий деформирует его сущность, заставляет изменяться и приспосабливаться. В некоторых случаях деформация столь существенна, что сама суть предмета разговора выхолащивается, теряется. Именно так, по мнению автора, обстоят дела с рассмотрением арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства. Судопроизводство по гл. 25 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) и без того обладает значимыми отличиями от производства по делам об административных правонарушениях, при переходе же к упрощенному производству происходящее вообще перестает иметь отношение к административно-деликтному праву.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, дела о привлечении к административной ответственности, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание в виде

предупреждения или административного штрафа, максимальный размер которого не превышает 100 тыс. руб., должны рассматриваться в порядке упрощенного производства.

Это означает следующее:

- судебные заседания по указанным делам не назначаются, в связи с чем лица, участвующие в деле, не извещаются о времени и месте судебного заседания;

- свою позицию по спору сторона может высказать в форме отзыва и лишена возможности выступить устно, а также выслушать устное выступление второй стороны и задать ей вопросы;

- свою позицию и документы сторона должна представить в те сроки, которые укажет суд, и затем в случае их пропуска по неуважительным причинам лишается этой возможности;

- решение по таким делам принимается путем подписания его резолютивной части, мотивированное решение выносится по ходатайству сторон или в случае подачи апелляционной жалобы.

Представляется, что такая усеченная процессуальная форма категорически не подходит для рассмотрения дела об административных правонарушениях.

Административная ответственность — вид публичной ответственности, она основана на тех же принципах и конструкциях, что и уголовная, охраняет те же отношения и преследует те же цели — и потому является максимально

близкой к ней¹. Административная ответственность традиционно трактуется как «предуголовная» ответственность². В зарубежных государствах публично-правовая ответственность выступает в виде единой уголовной за правонарушения и проступки.

Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) позволяет рассматривать привлечение к административной ответственности как уголовное преследование³, а законодательство об административных правонарушениях как находящееся в уголовно-правовой сфере⁴. Нередко ЕСПЧ прямо говорит, что

имело место уголовное преследование, хотя с точки зрения российского законодательства произошло привлечение к административной ответственности⁵.

В этой ситуации привлечение к «квазиуголовной» ответственности в порядке упрощенного судопроизводства выглядит следующим образом:

— «обвиняемый» (лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении) не вызывается в суд и не имеет возможности устно высказать свою позицию, лишен права на непосредственное исследование доказательств;

— в случае, если по каким-либо причинам «обвиняемый» не представил документы, подтверждающие его позицию, в суд или представил их несвоевременно, они не будут учтены при дальнейшем разбирательстве;

— при подаче апелляционной жалобы на решение «обвиняемый» сможет ссылаться только на те доказательства, которые уже есть в деле, представить новые он не вправе; кассационное же обжалование возможно только в исключительных случаях;

— из вынесенного решения «обвиняемый» узнает только, по какой статье он привлечен к ответственности и сколько составляет размер наказания; для выяснения того, какие обстоятельства положены в основу судебного решения и как суд оценил его возражения, ему придется обращаться с отдельным ходатайством. Решение тем временем подлежит немедленному исполнению;

— подавая апелляционную жалобу, «обвиняемый» вынужден подавать ее «вслепую», так как он располагает только резолютивной частью решения, с момента вынесения которой уже пошел срок на обжалование.

Такое упрощение разбирательства по делу о публичном правонарушении вызывает самые серьезные возражения. Следует обратить внимание на Постанов-

¹ См. об этом, например: Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 431.

На это неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации. См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Вестник КС РФ. 2015. № 5; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 1.7 и п. 2 ст. 31.7 КоАП РФ в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4657; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 УК РФ в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник КС РФ. 2017. № 2.

² См. об этом, например: Якуба О.М. Административная ответственность. М., 1972. С. 43.

³ См. постановления ЕСПЧ от 12 февраля 2019 г. по жалобе № 42294/13 «Белан и Свицерская против Российской Федерации»; от 19 ноября 2015 г. по жалобе № 46998/08 «Михайлова против России»; от 17 апреля 2018 г. по жалобам № 35000/13 и 35010/23 «Цуканов и Торчинский против России»; от 10 февраля 2009 г. по делу «Сергей Золотухин против России», от 31 июля 2014 г. по делу «Немцов против России». См. также: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 УК РФ в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник КС РФ. 2017. № 2.

⁴ Подробно по этому вопросу см.: Терешкова В.В. Реформирование производства по делам об административных правонарушениях в контексте правовых позиций ЕСПЧ // Вестник Воронежского государственного университета.

Серия: Право. 2018. № 3. Июль — Сентябрь. С. 197–212.

⁵ См., например: Постановление ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. «Дело "Менешева (Menesheva) против Российской Федерации"» (жалоба № 59 261/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 11.

ление ЕСПЧ от 6 ноября 2018 г.⁶, где Суд говорит о нарушении ч. 1 ст. 6 конвенции⁷ в связи с тем, что дисциплинарное разбирательство в отношении судьи, то есть тоже публичное по сути производство, было письменным и ни заявительница, ни представители общественности не могли присутствовать на заседаниях, так как публичные слушания законодательно запрещены; у заявительницы не было возможности представить устные замечания как по вопросам факта, так и в отношении наказания или различных юридических аспектов дела; не заслушивались показания свидетелей. На основании всего этого Европейский суд полагает, что орган, рассматривающий дисциплинарное дело, осуществлял свои дискреционные полномочия на несоответствующей фактической основе. Эти выводы с легкостью могут быть экстраполированы на рассмотрение дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства.

Производство по делам об административных правонарушениях не является состязательным процессом, оно основано на принципах публичности и инициативности органов, осуществляющих производство. Административное преследование — многостадийная процедура, на каждом этапе которой органы административной юрисдикции вправе осуществлять активные действия, направленные на выяснение обстоятельств совершенного правонарушения и вины лица в его совершении. Так, равным образом на стадиях возбуждения дела об административном правонарушении,

рассмотрения дела и его пересмотра (до вступления в законную силу постановления) органы вправе устанавливать новые обстоятельства, для этого собирать доказательства, в том числе вызывать свидетелей, назначать экспертизы. Это дает возможность продолжить выяснение обстоятельств дела вплоть до установления объективной истины.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях производится в арбитражных судах на основе принципов состязательности и диспозитивности. При переходе из одной процессуальной формы в другую возникает множество противоречий, происходит деформация производства, поскольку весь сбор доказательств должен быть произведен на стадии возбуждения дела (если привлечение к ответственности происходит в суде) или его рассмотрения (если жалоба подлежит рассмотрению в арбитражном суде). Суд лишь оценивает убедительность позиций органа административной юрисдикции и не занимается сбором доказательств. В целом можно считать, что состязательность идет на пользу лицам, в отношении которых велось производство по делу об административном правонарушении, поскольку орган не может дополнить свое обвинение, а суд тем более не будет ему в этом помогать.

Однако при переходе к упрощенному производству все преимущества получения по данной категории дел судебной защиты теряются. Установленный законом порядок предоставления доказательств в строго установленные сроки, без возможности вернуться к этому вопросу на следующих стадиях, начинает работать против лица, в отношении которого ведется производство.

В предмет доказывания по делу об административном правонарушении входят, согласно ст. 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ): наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия (бездействие); виновность лица в совершении административного правонарушения; обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность; характер и размер ущерба, причиненного административ-

⁶ Постановление ЕСПЧ от 6 ноября 2018 г. по делу «Рамос Нуньес де Карвальо э Са (Ramos Nunes de Carvalho e Sa) против Португалии» (жалобы № 55391/13, 57728/13 и 74041/13) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2019. № 4.

Несмотря на спорность авторитета ЕСПЧ и имеющие место упреки в политизированности его решений, надо отметить, что в целом ЕСПЧ является выразителем правовых позиций, следующих из важнейшего документа в истории человечества — Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кроме того, конкретное постановление вынесено не в отношении Российской Федерации.

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ным правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения.

Эти обстоятельства не могут устанавливаться по принципу «не были оспорены» — каждое из них должно быть выяснено и подтверждено доказательствами. Утверждать об их наличии лишь потому, что противного не было доказано второй стороной, нельзя. Дела об административных правонарушениях, так же как и уголовные, это дела публичного обвинения. Привлечение к публичной ответственности только на том основании, что лицо не представило достаточно доказательств своей невиновности, абсолютно недопустимо.

Фактически суть упрощенного производства сводится к тому, что каждой из сторон дается возможность обосновать свою позицию в строго формализованных условиях, созданных с целью экономии ресурсов судебной системы. Дела, в отношении которых возможна экономия ресурсов, выбираются по формальным признакам, указанным в законе. Однако правовые последствия привлечения к административной ответственности не могут быть сведены только к сумме штрафа, который надо заплатить. Привлечение к административной ответственности может влечь отзыв лицензии, невозможность участия в конкурсных процедурах, репутационные издержки и т.д. Повторное привлечение к административной ответственности в любом случае является отягчающим обстоятельством и препятствует возможности замены штрафа на предупреждение в порядке ст. 4.1.1

КоАП РФ; более того, в некоторых случаях образует квалифицированный состав, строго караемый законом. Так, например, привлечение к административной ответственности арбитражных управляющих за первое нарушение происходит по ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ — и рассмотрение дела производится арбитражными судами в порядке упрощенного производства; при этом повторное нарушение наказывается по ч. 3.1 этой же статьи уже дисквалификацией.

Таким образом, рассмотрение арбитражными судами дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства противоречит самой правовой природе публичной ответственности и приводит к выхолащиванию содержания из-за несоответствия процессуальной формы целям материального права. Предусмотренная законом вероятность перехода к рассмотрению дела по общим правилам (подп. 2 п. 5 ст. 227 АПК РФ)⁸ ситуацию не спасает, — по мнению автора, сама возможность упрощенного рассмотрения не должна иметь место и все без исключения дела об административных правонарушениях должны рассматриваться в общем порядке. Представляется, что все указанные проблемы могут быть исправлены только запретом на рассмотрение дел об административных правонарушениях в порядке упрощенного производства.

⁸ См. об этом: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2020 г. № 694-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Фишмастер» на нарушение конституционных прав и свобод частями 1, 2 и 5 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 3.2 и 3.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень) / В.Д. Сорокин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 661 с.
2. Терешкова В.В. Реформирование производства по делам об административных правонарушениях в контексте правовых позиций ЕСПЧ / В.В. Терешкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3 (34). С. 197–212.
3. Якуба О.М. Административная ответственность / О.М. Якуба. Москва : Юридическая литература, 1972. 152 с.

Латкина

Анастасия Константиновна,
ведущий юрист Коллегии адвокатов
«Петербургский Правовой Альянс»,
студент 1-го курса основной
образовательной программы
магистратуры
«Юрист в сфере финансового рынка
(финансовый юрист)»
Санкт-Петербургского государственного
университета
latkin.k@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-27-31

Как финансовому управляющему взыскать убытки с банка в ходе процедуры банкротства граждан*

В статье рассмотрен вопрос о возможности направления иска о взыскании убытков с банка в случае незаконного вывода конкурсной массы должника — физического лица с его расчетного счета. Проанализирована проблема определения подведомственности спора, определены ключевые понятия и факты, необходимые для доказательства понесенных убытков. Также предложены возможные решения проблемы использования специального счета должника в процедуре банкротства граждан.

Ключевые слова: банкротство граждан, взыскание убытков, банки, конкурсная масса, подведомственность, доказательства убытков.

Известно, что ситуации, при которых финансовый управляющий не досчитывается конкурсной массы должника — физического лица, случаются с удручающей частотой. При выяснении причин нехватки денежных средств выясняется, что банк проводил не одобренные финансовым управляющим транзакции. Как правило, это либо вывод конкурсной массы самим должником, либо взыскание задолженности кредиторами/судебными приставами должника.

Оба варианта являются сделками или действиями (далее — сделки), которые могут оспариваться финансовым управляющим¹.

Со вторым случаем в практике сложилась вполне однозначная практика взыскания с кредитора незаконно полученных средств должника. На законодательном уровне интересы недовольствованных кредиторов как гражданско-правового сообщества признаются более значимыми по сравнению с интересами конкурсных кредиторов, получивших имущественный актив от неплатежеспособного лица в индивидуальном порядке, в целях выравнивания положения всех кредито-

ров, обладающих равным правовым статусом².

Суды в подавляющем случае признают такие незаконные транзакции сделкой с предпочтением, обявывая вернуть денежные средства в конкурсную массу. Однако не учитывается, что данные операции не могли бы быть произведены, если бы банк выполнял свою законную обязанность.

Относительно первого упомянутого нами случая незаконной транзакции в ходе банкротства — самостоятельного вывода должником денежных средств с банковского счета практика не так однозначна.

Кредитные организации могут быть привлечены к ответственности за совершение операций по распоряжению гражданина, в отношении которого введена процедура реализации имущества по договору банковского вклада и (или) договору банковского счета, в том числе с банковской картой только в случае, если они были надлежащим образом уведомлены о введении в отношении гражданина процедуры реализации имущества³.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2017 г. по делу № А40-698/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». П. 8 ст. 213.25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». П. III // СПС «КонсультантПлюс».

* Статья подготовлена под научным руководством Петрова Д.А., доцента кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, доцента.

Также кредитная организация не вправе исполнять распоряжения о проведении операций по счету должника, подписанные руководителем должника — юридического лица либо самим должником — гражданином⁴.

Максимально возможное пополнение конкурсной массы является одной из основных задач финансового управляющего, при этом на практике должники нередко выводят конкурсную массу со своих счетов ввиду позднего реагирования банков на уведомления финансового управляющего. Учитывая эти факторы, кажется странным столь малое количество практики привлечения банков к ответственности в банкротстве граждан.

Мы сочли возможным выделить наиболее проблемные вопросы в написании иска к банку от лица финансового управляющего, которые помогут добиться максимально возможного пополнения конкурсной массы должника.

1. Куда направить иск?

Одна из главных проблем для финансового управляющего в деле о взыскании убытков с банка встает в самом начале процесса написания иска — определение подведомственности данного спора.

В ходе изучения судебной практики может сложиться двоякое впечатление о решении данного вопроса. С одной стороны, есть множество дел, где суды общей юрисдикции (СОЮ) рассматривают подобные споры⁵.

С другой стороны, присутствует абсолютно верная практика прекращения

производства в СОЮ по основанию неподведомственности спора⁶, а также прямого указания арбитражным судом на неподведомственность такого спора арбитражным судам⁷.

Определим причины подобной путаницы и выделим верный путь направления иска.

Первая причина состоит в отсутствии четкого регулирования подсудности споров в рамках банкротства. Исходя из общего правила, установленного п. 1 ч. 6 ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) и ст. 213.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), арбитражные суды рассматривают дела, касающиеся процедуры банкротства. При этом все иски, поданные в суды общей юрисдикции, должны быть оставлены без рассмотрения.

Однако есть категория споров, возникающих в ходе процедуры банкротства граждан, которые должны рассматриваться в СОЮ, к примеру, требования супруга должника о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства, об ином разделе долей общего имущества, споры об установлении алиментов⁸. Таким образом, если предмет спора носит гражданско-правовой характер и лишь косвенно влияет на ход процедуры банкротства, то он подведомственен СОЮ.

Видимо исходя из логики определения требования возмещения убытков мерой гражданско-правовой ответственности, СОЮ часто принимают к рассмотрению такой иск.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства». П. 5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Решение Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 3 мая 2018 г. по делу № 2-1733/2018; Решение Центрального районного суда г. Кемерово от 18 января 2019 г. по делу № 2-318/2019; Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 2 июля 2019 г. по делу № 2-4100/2019; Решение Балашихинского городского суда Московской области от 20 сентября 2019 г. по делу № 2-2772/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Мещанского районного суда г. Москвы от 7 июня 2018 г. по делу № 2-3901/18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу от 28 февраля 2019 г. № А33-25006/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в данном случае суды не учитывают, что верным предметом иска является требование финансового управляющего о взыскании с ответчика убытков, причиненных кредиторам должника незаконным списанием со счета должника денежных средств в отсутствие на что распоряжения финансового управляющего.

Обоснованность списания денежных средств затрагивает напрямую финансовые интересы кредиторов физического лица, в том числе юридических лиц, которые объективно являются наиболее заинтересованными в исходе дела, нежели сам должник⁹. А значит, сам предмет иска обуславливает экономический характер спора, лишь арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам¹⁰.

Также стоит отметить, что процедура списания денежных средств со счета должника регулируется положениями специального закона — № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Нормы закона о банкротстве имеют свою специфику и требуют от суда особых знаний и навыков их применения.

А значит, предмет спора не может быть отнесен к подведомственности СОЮ.

Вторая причина неверного определения подведомственности состоит в существующей позиции среди юристов, которая основывается на признании финансового управляющего лишь представителем гражданина-банкрота. Соответственно, создается представление, что поскольку заявлен иск о взыскании убытков в пользу физического лица, то и рассматривать данный иск должен суд общей юрисдикции. Данная позиция не может быть признана разумной как минимум по причине особой роли финансового управляющего в процедуре банкротства, которая не огра-

ничивается лишь представительством гражданина-банкрота. Это некий «посредник» между интересами кредиторов и должника, который несет ответственность за сформированную конкурсную массу в ходе процедуры банкротства и обязан принимать меры по сохранности имущества должника, по недопущению необоснованного и незаконного уменьшения конкурсной массы. Таким образом, это самостоятельный иск от лица финансового управляющего должника.

Профессиональной деятельностью финансового управляющего является в том числе контроль и распоряжение средствами должника на счетах в кредитных организациях в целях соблюдения интересов законных кредиторов и сохранения конкурсной массы должника¹¹.

При этом споры, связанные с профессиональной деятельностью арбитражного управляющего, разрешаются арбитражным судом¹². Таким образом, субъекты спора также не позволяют отнести его к подведомственности СОЮ.

Исходя из сделанных выводов о характере самого спора и субъектном составе иска по взысканию убытков с банков в ходе процедуры банкротства гражданина верным определением подведомственности будет направление иска в арбитражный суд.

2. Как доказать осведомленность банка о введении процедуры банкротства?

Кредитная организация несет обязанность возместить убытки только при условии, что к моменту списания денежных средств она знала или должна была знать о том, что в отношении должника введена процедура банкротства. Если к этому моменту сведения о введении такой процедуры были опубликованы в соответствующем официальном издании или включены в Единый феде-

⁹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 28 февраля 2019 г. по делу № А33-25006/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Ч. 1 ст. 27 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Ч. 6 ст. 213.25 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Ч. 12 ст. 20 // СПС «КонсультантПлюс».

ральный реестр сведений о банкротстве, то предполагается, что кредитная организация должна была знать об этом (в том числе с учетом имеющихся в обороте электронных систем сбора информации)¹³.

Таким образом, кредиторы и третьи лица, включая кредитные организации, в которых открыты банковский счет, банковский вклад (депозит) гражданина-должника, считаются извещенными об опубликовании сведений по истечении пяти рабочих дней со дня включения таких сведений в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ)¹⁴. Личное уведомление со стороны управляющего может быть принято во внимание только в том случае, если оно состоялось ранее публикации в ЕФРСБ.

При этом аргументы банков о том, что они не получали информацию о банкротстве конкретного гражданина через собственные системы связи, осуществляющие сбор информации из ЕФРСБ судом, не принимаются. Риски отсутствия синхронизации между сведениями, содержащимися в ЕФРСБ, и информационными базами Банка возлагаются на Банк, так как осуществление такой синхронизации, ее недостатки и сбои являются внутренними проблемами Банка. Данные обстоятельства не являются основанием для освобождения Банка от имущественной ответственности в виде возмещения убытков, поскольку организация системы отслеживания сведений о банкротстве клиентов находится в сфере контроля самого Банка и не относится к обстоятельствам непреодолимой силы¹⁵.

¹³ Постановление Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г. № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства». П. 2.1 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2020 г. № 08АП-8617/2020 по делу № А46-5359/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. П. 3 ст. 401 // СПС «КонсультантПлюс».

При этом существует и обратная практика признания уведомления банка от лица финансового управляющего решающим фактором в определении осведомленности банка¹⁶. Так, финансовый управляющий направил уведомление о введении процедуры банкротства спустя 4 месяца после начала процедуры. При этом ответчик пояснил, что у банка в обороте отсутствуют необходимые системы сбора информации, позволяющие вести мониторинг публикаций о введении процедуры банкротства в отношении всех клиентов физических лиц — владельцев счетов — и сравнивать данные публикаций с персональными данными клиентов.

Наиболее логичным решением данной проблемы может быть всеобщее признание судебной практикой того факта, что банки являются профессиональной действующей стороной и непринятие ими разумных действий по получению публично размещенной информации является их предпринимательским риском.

Исходя из данного вывода следует, что единственно важным фактором в доказательстве осведомленности банка является вовремя размещенная публикация о введении процедуры банкротства гражданина на публичных ресурсах (сайте ЕФРСБ, газета «Коммерсант»).

3. Как доказать причинение убытков кредиторам должника?

Взыскание убытков является мерой гражданско-правовой ответственности, и ее применение возможно лишь при наличии совокупности условий ответственности, предусмотренных законом¹⁷:

1) документально подтвержденный факт нарушения прав и законных интересов, повлекшего причинение убытков, т.е. основание для возникновения ответственности в виде возмещения убытков;

¹⁶ Решение Арбитражного суда Курской области от 27 октября 2015 г. по делу № А35-6034/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Статьи 15, 393 ГК РФ.

2) факт совершения ответчиком противоправного деяния, а также наличие его вины в совершении указанного противоправного деяния;

3) наличие причинно-следственной связи между возникшими неблагоприятными последствиями и противоправными действиями причинителя вреда.

Таким образом, в своем исковом заявлении финансовый управляющий должен указать суду на наличие каждого условия наступления ответственности. Отсутствие хотя бы одного из указанных оснований не дает права на возмещение убытков.

Доказать убытки возможно, представив суду расчет очередности погашения требований кредиторов, — для этого необходимо сделать расчет распределения суммы убытков, т.е. недостающей конкурсной массы, в соотношении с процентами основного долга каждого из кредиторов, включенного в реестр требований кредиторов. Таким образом, суд сможет ясно увидеть суммы, которые потерял каждый из кредиторов должника.

В итоге стоит признать, что банки часто будто «забывают» блокировать счета должников в процедуре банкротства. Особенно остро встает эта проблема в банкротстве физических лиц, учитывая низкую правовую грамотность населения. Должники, обнаруживая, что их счет все еще активен, не уведомляют об этом финансового управляющего и продолжают абсолютно свободно пользоваться денежными средствами. При этом многие из банкротов в конце процедуры не могут возместить выведенные денежные средства, их поведение признается недобросовестным, логично проводящее к завершению процедуры без применения правила об освобождении от обязательств.

Однако малое количество случаев судебной практики относительно взыскания с банков убытков в процедуре банкротства граждан говорит о том, что арбитражные управляющие, к сожалению, пока неохотно используют этот инструмент защиты интересов кредиторов.

Возможным решением представляется устранение самой сути проблемы — снятие напряженности для граждан получения прожиточного минимума в реализации имущества либо сумм в пределах 50 тыс. руб. в реструктуризации долгов. На данный момент финансовые управляющие стремятся «набрать» как можно больше должников, так как оплата за каждую процедуру физического лица ничтожно мала — 25 тыс. руб. При увеличении числа должников ежемесячная выдача прожиточного минимума часто невозможна, что вынуждает граждан самовольно снимать денежные средства в случае отсутствия блокировки счета.

Представляется возможным введение в законодательство о банкротстве граждан нормы об обязательном определении лишь одного уже активного счета должника, который будет опубликован на сайте ЕФРСБ в начале процедуры банкротства. На указанный счет должен быть поставлен лимит снятия со стороны должника — 50 тыс. руб. либо сумма прожиточного минимума, однако в этом случае отсутствие активной позиции банка позволит снимать денежные средства, превышающие лимит.

Также интересным решением кажется распространение популярности онлайн-банкинга для арбитражных управляющих с возможностью мгновенного открытия специального счета должника с вероятностью самостоятельного установления лимита использования денежных средств. Таким образом, будет получен наибольший контроль над средствами должника без больших временных затрат.

Однако на данный момент процедура получения должником положенных ему средств крайне осложнена, что толкает граждан на незаконный вывод денежных средств. В этом случае финансовый управляющий должен помнить об одной из главных своих задач — сохранении всеми возможными законными способами конкурсной массы, в том числе, путем направления иска о взыскании убытков банку.

Балашова**Ирина Николаевна,**доцент кафедры гражданского
процессаСаратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук
balashova.nastal@yandex.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-32-36

Соглашение о третейском суде: правовая природа и практика применения арбитражного соглашения

В статье анализируется правовая природа арбитражного соглашения как соглашения о передаче существующего между сторонами спора в арбитраж (третейский суд). Автором обращается особое внимание на такую разновидность арбитражного соглашения, как арбитражная оговорка.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, третейское разбирательство, арбитраж, третейский суд, арбитражное соглашение, арбитражная оговорка.

Действующее законодательство Российской Федерации под арбитражным соглашением понимает соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило такое правоотношение договорной характер или нет¹.

Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, предоставление заинтересованным лицам права по своему усмотрению обратиться за разрешением спора в государственный суд или избрать альтернативную форму защиты своих прав, обратившись в третейский суд, — в контексте гарантий, закрепленных Конституцией Российской Федерации, само по себе не может рассматриваться как их нарушение, а, напротив, расширяет возможности разрешения споров в сфере гражданского оборота. Заключая соглашение о передаче спора на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, стороны добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда².

Первым шагом к разрешению существующего между сторонами конфликта является заключение арбитражного (третейского) соглашения. Однако заключение такого соглашения возможно не по всем категориям дел. Так, согласно ч. 2 ст. 22.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) на рассмотрение третейского суда (арбитража) не могут быть переданы: дела, которые подлежат рассмотрению в порядке особого производства; споры, возникающие из семейных, трудовых, наследственных правоотношений; споры, возникающие из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о приватизации государственного и муниципального имущества; споры из отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; споры о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, о выселении граждан из жилых помещений, возникающие из отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного окружающей среде; споры, не связанные с экономическими отношениями, возникающие между юридическими лицами, юридическими лица-

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 182-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы общества с ограниченной ответственностью «Авенд» на нарушение конституционных прав и свобод положениями Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ми и гражданами, и иные споры в случае прямого указания на них в федеральном законе. В данном случае федеральный закон ограничивает категории дел, по которым возможен выбор альтернативной формы защиты путем обращения к третейскому суду.

Форма и содержание арбитражного соглашения имеют больше значение не только для порядка оформления отношений сторон, но и для самой процедуры рассмотрения и разрешения спорных правоотношений в третейском суде (арбитраже). Прежде всего от данного документа зависит возможность рассмотрения и разрешения спора в третейском суде, а в последующем и вероятность принудительного исполнения вынесенного третейским судом решения³.

В научной литературе активно обсуждается правовая природа арбитражного соглашения. Существующие в науке точки зрения относительно правовой природы арбитражного (третейского) соглашения М.А. Рожкова предлагает разделить на четыре условные группы: а) об арбитражном соглашении предлагается говорить как о соглашении процессуального характера, направленном на исключение юрисдикции государственного суда; б) арбитражное соглашение можно рассматривать как обычный гражданско-правовой договор, порождающий для сторон определенные гражданско-правовые обязанности, в том числе обязанность подчиниться решению, которое будет вынесено арбитражем; в) под арбитражным соглашением предлагается понимать гражданско-правовой договор, порождающий в том числе процессуальные последствия; г) арбитражное соглашение не признается гражданско-правовым договором, поскольку ни один гражданско-правовой договор сам по себе не может порождать процессуальные последствия. С другой стороны, арбитражное соглашение не рассматривается и как соглашение в области процесса, поскольку арбитраж

выходит за рамки государственной юрисдикции⁴.

Как указывалось ранее, сфера применения арбитражного соглашения весьма обширна, однако, как правило, сводится к гражданско-правовым отношениям.

Так, например, при наличии в трудовом договоре со спортсменом, с тренером условий, носящих гражданско-правовой характер, в том числе порождающих обязательство сторон как субъектов спорта, принимающих участие в спортивных соревнованиях в соответствии с положениями (регламентами) об этих соревнованиях, споры, возникшие по поводу неисполнения либо ненадлежащего исполнения таких условий, на основании ч. 3 ст. 3 ГПК РФ могут передаваться по соглашению сторон в специализированные третейские суды (например, Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Спортивный арбитражный суд при автономной некоммерческой организации «Спортивная арбитражная палата»)⁵.

Действующим законодательством выделяется два вида арбитражных соглашений: 1) арбитражное соглашение как отдельный самостоятельный документ, содержащий сведения о договоренности между сторонами на передачу в третейский суд споров, которые могут возникнуть или возникли между ними; 2) арбитражное соглашение в виде третейской оговорки в договоре гражданско-правового характера, являющееся его неотъемлемой частью.

Законодательно установленное требование — это письменная форма арбитражного соглашения. Оно должно быть составлено в простой письменной форме, не требующей какого-либо специального удостоверения.

Между тем арбитражное соглашение признается легитимным, а требование о письменной форме выполненным, если

⁴ См.: Рожкова М.А. Мирная сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005. С. 137–138.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Балашов А.Н., Балашова И.Н., Зайцев А.И., Захарьяшева И.Ю. Альтернативное разрешение споров. М., 2007. С. 77 (автор главы — А.И. Зайцев).

произошел обмен письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами. Кроме того, признается в качестве надлежащей и электронная форма документа. Обязательным критерием признания допустимыми указанных документов выступает требование о возможности доказывания адресата.

К заключению арбитражного соглашения в письменной форме приравнивается процесс обмена процессуальными документами, в которых стороны конфликта признают допустимым разрешение его третейским судом. Так, истец должен направить исковое заявление непосредственно ответчику и указать в нем на желание передать спор на разрешение третейскому суду. Получив исковое заявление, ответчик должен будет направить возражение, отразив в нем согласие (несогласие) на рассмотрение и разрешение спора третейским судом.

Согласно п. 5 ст. 7 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» разновидностью арбитражного соглашения может являться ссылка на документ, содержащий арбитражную оговорку. При этом необходимо учесть, что из ссылки на документ, содержащий третейскую оговорку, должно четко усматриваться, что третейское соглашение, заключенное между сторонами, является неотъемлемой частью такого договора.

Как разъясняется в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража»⁶, ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, представляет собой арбитражное соглашение, заключенное в письменной форме, при условии, что указанная

ссылка позволяет считать такую оговорку частью договора (ч. 5 ст. 7 закона об арбитраже, п. 6 ст. 7 закона о международном коммерческом арбитраже). Иными словами, суд устанавливает наличие (или отсутствие) воли сторон на распространение условий данного документа на те отношения, которые возникли из договора. Если в договоре имеется ссылка на то, что все возникающие споры должны разрешаться в порядке, предусмотренном документом, в содержании которого имеется третейская оговорка (к примеру, типовым договором), то данная оговорка является частью договора сторон.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда арбитражная оговорка может быть включена в правила осуществления определенного вида деятельности.

Так, например, арбитражная оговорка может быть включена в правила организованных торгов или правила клиринга и распространяться на отдельные виды споров, которые могут возникнуть между участниками торгов или участниками клиринга.

В соответствии со ст. 24 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах»⁷ устанавливается, что правилами организованных торгов могут быть определены условия и порядок разрешения споров между участниками торгов, а также споров между сторонами договоров, заключенных на организованных торгах, в порядке третейского разбирательства постоянно действующим третейским судом. Третейское соглашение, предусмотренное правилами организованных торгов, является действительным также в случае, если оно заключено до возникновения оснований для предъявления иска.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте»⁸ правилами клиринга может быть определен порядок

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 3.

⁷ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

⁸ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904.

разрешен
ми клири
и лицом.
централь
клиринга
ей, связа
(оказани
с исполн
функции
клиринга
третейск
действую
тейское с
правилам
тельным
чено оно
основани
В арб
корпорат
битражно
юридичес
Если
ража ко
ТПП РФ,
передава
только п
тражного
может за
зации. Е
включени
иное, онк
а) самого
ников, в
участник
ного сог
участник
условии,
в уставе
да они я
г) директ
стал дир
битражно
их корпо
д) бывши
ративных
вии, что а
действова
директору

⁹ См.: Пр
МКАС
обраще

разрешения споров между участниками клиринга, участниками клиринга и лицом, осуществляющим функции центрального контрагента, участниками клиринга и клиринговой организацией, связанных с проведением клиринга (оказанием клиринговых услуг) и (или) с исполнением обязательств по итогам клиринга, лицом, осуществляющим функции центрального контрагента, и клиринговой организацией в порядке третейского разбирательства постоянно действующим третейским судом. Третейское соглашение, предусмотренное правилами клиринга, является действительным вне зависимости от того, заключено оно до или после возникновения оснований для предъявления иска.

В арбитраж могут быть переданы корпоративные споры на основании арбитражной оговорки, включенной в устав юридического лица.

Если обратиться к Правилам арбитража корпоративных споров МКАС ТПП РФ, то согласно им в МКАС могут передаваться корпоративные споры не только посредством заключения арбитражного соглашения, данная процедура может закрепляться и в уставе организации. Если арбитражное соглашение включено в устав и из него не следует иное, оно имеет обязательную силу для: а) самого юридического лица; б) участников, в том числе тех из них, кто стал участником после включения арбитражного соглашения в устав; в) бывших участников юридического лица при условии, что арбитражное соглашение в уставе действовало в момент, когда они являлись такими участниками; г) директоров, в том числе тех из них, кто стал директором после включения арбитражного соглашения в устав, в части их корпоративных прав и обязанностей; д) бывших директоров в части их корпоративных прав и обязанностей при условии, что арбитражное соглашение в уставе действовало в момент, когда они являлись директорами⁹.

⁹ См.: Правила арбитража корпоративных споров МКАС ТПП РФ. URL: <http://mkas.tpprf.ru> (дата обращения: 14.01.2021).

Одним из важных вопросов, касающихся института арбитражного соглашения, является его толкование.

Толкование права в теории принято понимать как необходимый и важный элемент правореализационного процесса, в частности правоприменения. Прежде чем применить ту или иную норму права, надо уяснить ее подлинный смысл, а в некоторых случаях и разъяснить¹⁰.

При толковании арбитражного соглашения следует принимать во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия арбитражного соглашения в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Закон об арбитраже, как пишет С.А. Курочкин, предусматривает принцип эффективного толкования арбитражного соглашения, заключающийся в том, что если третейское соглашение может быть интерпретировано в двух различных направлениях, то толкование, обосновывающее действительность последнего, имеет приоритет по отношению к толкованию, которое приводит к его недействительности. При толковании арбитражного соглашения любые сомнения должны толковаться в пользу его действительности и исполнимости¹¹.

Сложность понимания содержания арбитражной оговорки может привести к возникновению препятствий для признания и приведения к исполнению решения третейского суда, в том числе принятого за рубежом.

Так, например, отказывая в удовлетворении заявления компании о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации решения Спортивного арбитражного суда от 24 сентября 2019 г. № CAS 2018/O/5836, суды пришли к выводу, что договор, заключенный сторонами, не содержит четкого положения о суде, который компетентен рассматри-

¹⁰ См.: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. С. 365 (автор — А.В. Осипов).

¹¹ Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М.: Статут, 2017. С. 96.

вать споры, арбитражная оговорка сама по себе является нечеткой, с неопределенной формулировкой, не содержит в себе указаний, которые позволили бы толковать оговорку в пользу доводов заявителя (при наличии противоречивых лингвистических заключений)¹².

Поскольку третейское соглашение есть договор, заключаемый в письменной форме, оно должно отвечать общим нормам гражданского законодательства, предусматривающим положения о соотношении договора и закона. Так, согласно п. 1 ст. 422 Гражданского кодекса РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивными нормами), действующими в момент его заключения. Таким образом, заключаемое сторонами гражданского правоотношения третейское соглашение должно соответствовать закону именно на момент его заключения. При рассмотрении ходатайства

участующего в деле лица об оставлении искового заявления без рассмотрения, если имеется соглашение сторон о рассмотрении данного спора третейским судом, арбитражный суд обязан на основании п. 5 ч. 1 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса РФ установить, является ли заключенное сторонами третейское соглашение действительным, утратило ли оно силу и может ли быть исполнено¹³.

Следует отметить, что, несмотря на то, что действующее законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) содержит регламентацию большинства вопросов, касающихся регулирования института арбитражного (третейского) соглашения, все же остаются вопросы, которые требуют дальнейшего научного и практического осмысления.

¹² См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2020 г. № 305-ЭС20-19263 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2015 г. № 940-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гаражно-строительного кооператива № 596 на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7, 8, 10 и 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Балашов А.Н. Альтернативное разрешение споров : учебно-методический комплекс / А.Н. Балашов, И.Н. Балашова, А.И. Зайцев, И.Ю. Захарьяшева. Москва : Экзамен, 2007. 573 с.
2. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж / С.А. Курочкин Москва : Статут, 2017. 288 с.
3. Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте / М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2005. 570 с.
4. Теория государства и права / под редакцией Н.И. Матузова, А.В. Малько. Москва : Юрист, 2004. 512 с.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы. Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Чернов**Константин Николаевич,**старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального права
Казанского филиала Российского
государственного университета
правосудия
2731654@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-37-39

Влияние Европейской конвенции на формирование производства о компенсации в арбитражном процессе: зарубежный опыт

В статье рассматриваются некоторые вопросы влияния Европейской конвенции о защите прав и основных свобод на формирование производства о компенсации в арбитражном процессе. Зарубежные нормативно-правовые акты играют важную роль в механизме защиты прав человека и гражданина, в том числе и при производстве судебного разбирательства о нарушении прав граждан на рассмотрение дела в разумный срок. В арбитражном российском законодательстве на сегодняшний день сложилась обширная практика рассмотрения дел с применением европейских судебных актов. Следует отметить, что в настоящий период складывается положительная практика обращений в European Court of Human Rights.

Ключевые слова: Европейский суд, разумный срок судопроизводства, производство о компенсации.

На сегодняшний день влияние европейских нормативных актов на российское законодательство оказывает «своего рода» влияние в части защиты, охраны и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Данные зарубежные нормативно-правовые акты являются частью российской правовой системы. Одним из наиболее важных и необходимых актов в сфере защиты прав человека выступает Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Актуальным является вопрос о признании постановлений Европейского суда по правам человека в качестве источника права в правоприменительной деятельности.

По справедливому мнению И.В. Воронцовой, «постановления Европейского Суда, принятые в отношении Российской Федерации, имеют прецедентное значение, а судебная практика по решениям, принятым в отношении Российской Федерации, относится к источникам российского права»¹.

В 2012 году члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выступили с докладом, касающимся в том числе и влияния решений Европейского суда по правам человека на формирование производства о компенсации в арбитражном процессе. Исходя из доклада можно отметить следующее. Если провести исторический экскурс, следует сказать о том, что в арбитражном законодательстве действительно существовала проблема несоблюдения разумных сроков исполнения судебных решений, данная проблема являлась многоаспектной для российского правосудия.

На национальном уровне принимались определенного рода решения по борьбе с возникшей проблемой, тем не менее в European Court of Human Rights продолжали поступать жалобы по данному вопросу. Ситуация в корне изменилась после проектного Постановления от 15 января 2009 г. по жалобе «Бурдов против Российской Федерации (2)». Был принят закон, основной целью которого является защита граждан от «судебного бюрократизма».

¹ См.: Постановления в Европейском Суде в гражданском процессе Российской Федерации / И.В. Воронцова, Т.В. Соловьева; под ред. О.В. Исаенковой. М.: Волтерс Клувер, 2010 // СПС «КонсультантПлюс».

Е.С. Новикова рассматривая отдельные вопросы порядка исполнения актов Европейского суда по правам человека при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам, отмечает, что «институт пересмотра дел по новым обстоятельствам рассматривается как одно из средств реализации органами судебной власти актов Европейского суда по правам человека. Доступность данного средства правовой защиты, в числе прочего, характеризуется процессуальным правилом определения судебной инстанции, компетентной на пересмотр вступившего в законную силу судебного акта по новым обстоятельствам»².

К существенной задаче в арбитражном судопроизводстве относится проведение справедливого публичного судебного разбирательства в разумный срок беспристрастным и независимым судом. Установление разумных сроков является своего рода конституционной гарантией. Помимо этого, важной особенностью является то, что это также служит гарантией соблюдения прав и законных интересов участников арбитражного судопроизводства.

Важным аспектом при вынесении судебного акта является необходимость основываться на реальных фактах и обстоятельствах, касающихся непосредственно рассматриваемых материалов, при этом не нарушающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Одним из явных поводов для принятия нормативно-правового акта о взыскании компенсации явилось, предписание в котором российскому законодателю необходимо создать эффективный механизм правовой защиты граждан по вопросам нарушения их прав на рассмотрение дел в разумный срок. В частности, в нормативно-правовой

акт, посвященный вопросам внесения соответствующих изменений в отдельные законодательные акты России, были внесены дополнения в связи с принятием нормативно-правового акта, содержащего вопросы по выплате компенсаций, если нарушено право на рассмотрение дела в разумный срок, согласно которому граждане и организации своевременно получают денежную компенсацию за длительное рассмотрение дела в суде.

Одним из существенных признаков в правосудии является судебное правоприменение, так как на практике в ходе его осуществления у правоприменителей возникает множество различных вопросов, связанных с правоприменительным процессом. Вопросы возникают исходя из того, что существуют такие проблемы, как наличие пробелов в законодательстве и возникающие в связи с ними коллизии, обусловленные применением на практике действующих юридических норм, а также нарушение сроков судебного разбирательства по рассмотрению того или иного дела, длительное исполнение судебных актов по выплате компенсации в связи с нарушением разумных сроков арбитражного судопроизводства. В связи с этим зачастую в судебном правоприменении возникает вопрос о правильности применения принимаемых законодателем норм, с целью защиты и охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, гарантируемых государством.

Реализация на практике экономических, политических, социальных задач зависит от эффективного правоприменения, в том числе и судебного. В зависимости от того, насколько правоприменительные акты будут вынесены с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, с соблюдением разумных сроков, будет зависеть и решение общегосударственных целей и задач, стоящих перед обществом и государством.

В своем монографическом исследовании «Конституционный Суд России: доктрина и практика» В.Д. Зорькин,

² Новикова Е.С. Отдельные вопросы порядка исполнения актов Европейского суда по правам человека при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 38–42.

изучая междисциплинарный подход, приводит в качестве примера точку зрения немецкого философа И. Канта, что в отношении права можно задать два вопроса: 1) 'quid juris' (каким должно быть правовое решение по итогам того или иного судебного процесса)? и 2) 'quid ius' (что есть само право)?

По справедливому мнению Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «мониторинг правоприменения необходимо ввести в системном единстве с мониторингом правотворчества, мониторингом создания и уточнения новых правовых норм»³.

Единство и системный мониторинг позволят избежать большого количества возникающих проблем в ходе судебного правоприменения. Все выносимые правоприменителями судебные акты должны быть основаны на нормах закона, с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, быть независимыми от воздействия извне.

Т.И. Афанасьева говорит «о необходимости создания законодательного установления пресекательного срока в отношении восстановления пропущенного срока для подачи апелляционной жалобы. На основании вышеизложенного дается предположение о том, что в

отсутствие временных ограничений восстановления срока для апелляционного обжалования он может быть определен исходя из аналогии закона путем применения абзаца 3 ч. 4 ст. 112 ГПК РФ»⁴.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что законодатель создал системный механизм правовой защиты участников процесса, чьи права нарушены длительным судебным разбирательством либо подчас многолетним неисполнением судебного акта. Вопрос о эффективности правоприменения и исполнения судебных актов, исходя из многолетней судебной практики Европейского суда по правам человека, должен являться одним из ключевых вопросов в ходе арбитражного судопроизводства, так как прежде всего рассмотрение дела в разумный срок является, в свою очередь, одним из ключевых факторов соблюдения, восстановления, охраны и защиты конституционных прав и свобод граждан. Проблемы формирования компенсации в арбитражном судопроизводстве при помощи влияния судебных актов, в том числе Европейской конвенции о защите прав и основных свобод, являются особо актуальными и на сегодняшний день и требуют дальнейшего всестороннего изучения.

³ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 99.

⁴ Афанасьева Т.И. Восстановление срока для апелляционного обжалования в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 48–53.

Литература

1. Афанасьева Т.И. Восстановление срока для апелляционного обжалования в гражданском процессе / Т.И. Афанасьева // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 48–53.
2. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография / В.Д. Зорькин. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. 592 с.
3. Новикова Е.С. Отдельные вопросы порядка исполнения актов Европейского суда по правам человека при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по новым обстоятельствам / Е.С. Новикова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 38–42.
4. Постановления Европейского Суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / И.В. Воронцова, Т.В. Соловьева ; под редакцией О.В. Исаенковой. Москва : Волтерс Клувер, 2010. 214 с.

**Концевой
Алесь Викторович,**
старший партнер LegalTech Corporation
a.k.projects@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-40-44

Правоприменительные подходы к юридической квалификации криптовалюты (судебная практика США)

В статье рассматриваются правоприменительные подходы судов США к юридической квалификации криптовалюты. Анализируются правовые доводы по делу по иску Комиссии по торговле товарными фьючерсами США к корпорации 'Cabbagetech' о запрете совершения действий с криптовалютой в обход закона. Судом сформулирована прецедентно-правовая позиция, согласно которой криптовалюта квалифицируется как оборотоспособная вещь, обладающая экономико-правовыми признаками товара. Юридическая квалификация криптовалюты как товара и распространение на нее экономико-правовых свойств и признаков товара позволяют структурировать имущественные риски и определить гражданско-правовые последствия совершения действий, направленных на приобретение вещно-обязательственных прав на криптовалюту. Делается акцент на государственной правовой политике в области безопасности товарно-финансовых рынков, реализуемой публичными институтами США.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, правоприменение, суд, государственная правовая политика, США, фьючерсы, сделки, обязательства, товар.

Современный механизм правового регулирования приобретает выраженные гибридный характер, сочетающий в себе различные — порой противостоящие друг другу — методы правового воздействия на отношения между участниками гражданского оборота. Это обусловлено тем, что такие отношения усложнились и расширили свои функции, что, в свою очередь, повлекло за собой трансформацию регулятивного инструментария права.

Этот юридический тренд наглядно демонстрирует себя в сфере регулирования рынка криптовалюты как наиболее динамично развивающегося сегмента мировой и национальной экономик. Почти неограниченное обращение криптовалюты поднимает на поверхность иную тенденцию к стиранию границ между внутренними и внешними финансовыми рынками и их постепенному слиянию, что вызывает острую необходимость в правовом обеспечении устойчивости гражданского оборота и безопасности национальной экономики, с одной стороны, и повышении эффективности форм правовой политики и методов гражданско-право-

го регулирования неоднородных правоотношений — с другой.

Последнее время на государственном уровне и в экспертном сообществе формируется концепция регуляторной политики как некоей системы подходов к законодательной регламентации главным образом социально-экономических отношений.

«Регуляторная политика (regulatory policy) — широкий спектр форм регулирования предпринимательской деятельности в форме создания условий, различного рода допусков на рынок, установления обязательных требований к продукции и процессам, контрольно-надзорных процедур, запретов, ограничений, преференций и т.п., а также механизмы прогнозной и ретроспективной оценки эффективности такого регулирования»¹. Как мы полагаем, в этом определении отражается широкое понимание политики, которое включает в себя не только некие структурообразующие подходы, но и конкретные практические формы их реализа-

¹ Что такое регуляторная политика? URL: <https://regulatory-policy.hse.ru/whatisregpolicy> (дата обращения: 03.03.2021).

ции (создание условий; контрольно-надзорные процедуры, преференции, др.), что размывает идеологические правовые контуры самого понятия «политика». С лингвистико-правовой точки зрения прилагательное «регуляторный» образовано от существительного «регулятор», поэтому было бы корректнее его соотносить с юридическим статусом публичного органа, регулирующего определенные отношения, а не с самим регулированием как неким системным процессом и функцией правовой системы, поскольку это позволяет проводить четкую методологическую границу между категориями «правовое регулирование» и его «субъект».

Мы солидарны с определением профессора А.С. Еременко: «Государственная правовая политика — это конституционно-правовая форма правомерного выражения публичной воли правового государства в отношении законов, их действия и применения, которое основано на верховенстве права и непосредственности прав и свобод человека и гражданина, организующая системную научно-правовую, правотворческую и правоприменительную деятельность правомочных субъектов, которая осуществляется в целях установления, поддержания и сохранения правопорядка в данной конкретной правовой системе»².

В аспекте оборота криптовалюты государственная правовая политика может трактоваться как форма правомерного выражения публичной воли, проявляющего реальное отношение власти, предпринимательского сообщества, гражданского общества — субъектов национального права к тому, как действуют и применяются в данной правовой системе законы, регулирующие отношения по поводу криптовалюты (существуют ли такие законы, соблюдаются ли и нарушаются ли они), и каким авторитетом пользуются суды и их решения по применению этих законов и восполнению правовых лакун, а также по восстановлению прав участников гражданского оборота и их законных интересов, которые возникают из сделок по созданию и отчуждению криптовалю-

ты и сделок с условием о расчетах в криптовалюте.

«Правовая политика как выражение официальной позиции публичной власти демонстрирует реальное, фактическое отношение государства в лице его высших и низших органов и должностных лиц к физическим и юридическим лицам как участникам гражданского оборота; базовым гражданско-правовым институтам (праву собственности, наследственному праву, интеллектуальной собственности, договору и т.д.); защите гражданских прав через последовательное, органичное, открытое и эффективное проведение в жизнь общих и специальных (исключительных) правил применения гражданского закона, вытекающих из логики действия норм гражданского права»³.

В свете регуляторной политики в области оборота криптовалюты весьма примечателен правоприменительный опыт США, поскольку их правовая система, пожалуй, одной из первых в мире приняла на «вооружение» механизм толкования и применения права судом как публичным институтом государства, обладающим суперкомпетенцией по жесткому воздействию как на внутрисударственные, так и глобальные финансово-экономические отношения, а также по изменению стратегических трендов и сопутствующих им процессов практически во всех областях жизнедеятельности человека как внутри, так и за пределами США.

В системе публичных институтов США, способных оказать принципиальное влияние на систему отношений по созданию и отчуждению криптовалюты и расчетам посредством криптовалюты, магистральное положение занимают национальные суды и Комиссия по торговле товарными фьючерсами (U.S. Commodity Futures Trading Commission) (далее — КТТФ) как публичный регулятор финансового рынка США.

Как следует из информации, размещенной на официальном сайте КТТФ⁴, ее миссия состоит в том, чтобы продвигать целостность, устойчивость и динамичность рынков деривативов (производных

² Еременко А.С. Теоретические вопросы государственной правовой политики в области гражданского оборота // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 6.

³ Там же.

⁴ Mission, Vision, and Values / Commodity Futures Trading Commission. URL: <https://www.cftc.gov/About/Mission/index.htm> (дата обращения: 03.03.2021).

финансовых инструментов) США посредством надежного регулирования, а также действовать в качестве глобального лидера стандартов регулирования деривативов, в том числе фьючерсных сделок, предметом которых является криптовалюта.

Свою сверхзадачу КТТФ видит в реализации политики правопросвещения и правосопитания в области безопасности финансового рынка путем органичного использования образовательных технологий при осуществлении своей институциональной деятельности и обучения стандартам регулирования рынка деривативов и защиты прав его участников.

Складывающаяся в настоящее время практика регулирования отношений на мировом финансовом рынке такова, что с негласного одобрения большинства игроков этого рынка КТТФ выполняет функцию «системного администратора», модеризирующего эти отношения, прибегая к силовому ресурсу национальных судов.

С процессуальной точки зрения, регулятивная модель, которую активно использует КТТФ, построена на принципе исковой защиты: КТТФ обращается с иском в компетентный суд США против какого-либо лица, действия либо бездействия которого, находясь в контрольно-надзорной юрисдикции КТТФ, оспариваются ей в судебном порядке с целью подтверждения либо отклонения таким судом регуляторной практики КТТФ по конкретной категории отношений. В организационно-процессуальном смысле КТТФ, определяя предмет и основания своих исков, представляя соответствующие доказательства и предлагая суду их оценку, очерчивает круг стратегических целей и задач, достижение и выполнение которых осуществляются в активном взаимодействии с институтами судебной системы США.

В параграфе 13а-1 «Судебные запреты и ограничения» раздела 7 Кодекса США определена юрисдикционная компетенция судов США в отношении исков КТТФ к лицам, совершающим действия, нарушающие требования национального законодательства, либо совершающим действия в обход закона. В тех случаях, когда КТТФ представляется, что какое-либо лицо совершило, совершает или намерено совершить какие-либо действия, нарушающие относимые положения Кодекса США или иного акта, принятого в соот-

ветствии с ним, или такое лицо ограничивает торговлю каким-либо товаром для будущих поставок или мен, КТТФ вправе подавать иск в компетентный окружной суд либо в иной надлежащий суд США или иной территории, подпадающей под юрисдикцию США, о запрете таких действий либо понуждении к совершению действия по восстановлению порядка, предусмотренного в Кодексе США и иных принятых в соответствии с ним актах, а названные суды вправе *ex parte* устанавливать ограничения или запреты названным лицам совершать действия, нарушающие соответствующие правовые положения⁵.

В ходе судебного разбирательства на основе правотолковательного метода дополняются имеющиеся или формируются новые прецедентные правовые позиции в аспектах юридической квалификации ключевых правовых понятий, которые лежат в основе спорных отношений, и методики их использования в практике КТТФ. Если распространять правовые позиции судов на общую институциональную компетенцию КТТФ, то они служат методологическим ориентиром для мировой регуляторной практики фьючерсных сделок. Помимо разрешения по существу судебного спора с участием в качестве стороны конкретного лица, в результате конкретного судебного процесса КТТФ при необходимости корректирует собственную регуляторную практику и вырабатывает определенные публичные стандарты для рынка деривативов. Показывающая в данном случае свою эффективность такая процессуальная модель может быть объяснена через прецедентную организационную сущность правовой системы США.

Для описания предмета нашего рассмотрения примечателен судебный процесс по делу 1:18-cv-00361-JBW-RLM по иску КТТФ к Патрику МакДоннеллу (Patrick K. McDonnell), корпорации 'Cabbagetech' о признании совершения ответчиками нарушения законов США, постоянном запрете совершения определенных действий, возврате полученного по сделкам и взыскании штрафов, рассмотренному Окружным судом США Восточного округа Нью-Йорка (United

⁵ 7 USC 13a-1: Enjoining or restraining violations. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title7-section13a-1&num=0&edition=prelim> (дата обращения: 03.02.2021).

States District Court Eastern District Of New York)⁶.

Стержневым моментом данного дела является квалификация судом криптовалюты как товара, обращающегося на рынке⁷. В методологическом плане эта правовая позиция носит перспективный характер, поскольку разрешает системную проблему определения юридического статуса этого объекта гражданских прав. Криптовалюта однозначно квалифицируется судом как оборотоспособная вещь, обладающая гражданско-правовыми признаками товара. Этот прецедентный подход воспринят мировой практикой комбинированного частно-публичного правового регулирования финансовых рынков. Суд прибегнул к следующей технике. Для установления факта компетенции КТТФ в реализации мер юридической ответственности в отношении корпорации 'Cabbagetech' суд применил юридическую фикцию, квалифицировав используемый ответчиком финансовый инструмент как товар, поскольку регуляторные полномочия КТТФ распространяются исключительно на рынок товаров. Этот прием позволил суду удовлетворить иск, заявленный КТТФ как надлежащим истцом, и установить запрет на совершение определенных действий.

Согласно ст. 4 § 1a «Определения» гл. 1 «Товарные биржи» Кодекса США термин «товар», если обобщать, означает всякие вещи и изделия из них, в том числе услуги, права и интересы (за исключением определенных в законодательстве объектов), в отношении которых в настоящем или будущем заключаются договоры будущей поставки. Данный термин используется наряду с конструкциями «исключенный товар» ('excluded commodity') (ст. 13) и «изъятый товар» ('exempt commodity') (ст. 14)⁸.

⁶ United States District Court Eastern District Of New York. Case 1:18-cv-00361-JBW-RLM. Amended Memorandum, Findings of Fact, Conclusions Of Law, And Directions For Final Judgment And Injunction. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-nyed-1_18-cv-00361/pdf/USCOURTS-nyed-1_18-cv-00361-5.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

⁷ Customer Advisory: Understand the Risks of Virtual Currency Trading. URL: https://www.cftc.gov/sites/default/files/idc/groups/public/@customerprotection/documents/file/customeradvisory_urvct121517.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

⁸ U.S.C. 1a — Definitions — Document in Context — USCODE-2010-title7-chap1-sec1a. URL: [https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title7-chap1-sec1a.pdf](https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title7-chap1-sec1a/pdf/USCODE-2010-title7-chap1-sec1a.pdf).

На наш взгляд, российское законодательство дает более точную формулировку. В соответствии с п. 1, 2 абз. 1 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции» товар — это объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот, тогда как к собственно финансовой услуге относят банковскую, страховую услугу, услугу на рынке ценных бумаг, по договору лизинга, а также услугу, оказываемую финансовой организацией и связанную с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц. При этом взаимозаменяемыми товарами признаются товары, которые могут быть сравнимы по их функциональному назначению, применению, качественным и техническим характеристикам, цене и другим параметрам таким образом, что приобретатель действительно заменяет или готов заменить один товар другим при потреблении (в том числе при потреблении в производственных целях) (п. 3 абз. 1 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции»). В целях обеспечения прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота товарный рынок определяется как сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами⁹.

Согласно ст. 455 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) товаром по договору купли-продажи могут быть любые оборотоспособные вещи, и такой договор

www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title7/pdf/USCODE-2010-title7-chap1-sec1a.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

⁹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О защите конкуренции». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=42199662107294672569709884&cacheid=2B46D23AB454FF9FDC73C7BFE4E381D&mode=splus&base=LAW&n=342023&dst=100025&rnd=423448E142EB8FD30AD3D6DEFED74CE5#2o5g44i3ed4> (дата обращения: 03.02.2021).

может быть заключен на куплю-продажу товара, имеющегося в наличии у продавца в момент заключения договора, а также товара, который только будет создан или приобретен продавцом в будущем, если иное не установлено законом или не вытекает из характера товара. При этом условия договора продажи товара считаются согласованными, если договор позволяет определить наименование и количество товара¹⁰.

Товар также является предметом договора мены (ст. 567 ГК РФ), в отношении которого применяется общая норма о равноценности обмениваемых товаров, определяющая, что расходы на их передачу и принятие осуществляются в каждом случае той стороной, которая несет соответствующие обязанности. При неравноценности обмениваемых товаров сторона, обязанная передать товар, цена которого ниже цены товара, предоставляемого в обмен, должна оплатить разницу в ценах непосредственно до или после исполнения ее обязанности передать товар, если иной порядок оплаты не предусмотрен договором (ст. 568 ГК РФ).

Криптовалюта — это цифровой образ стоимости денег, который функционирует как объект обмена, единица расчетов и форма хранения (аккумулирования) денег или валютных ценностей, но не имеет общепризнанного в международном или национальном торгово-экономическом обороте статуса официального платежного средства. Криптовалюта является предметом мены на национальные валюты, такие как доллары США, евро, и другие валюты по всему миру, но в настоящее время в качестве средства платежа и рас-

четного инструмента не принимается ни одним правительством или центральным банком. Стоимость криптовалюты определяется посредством рыночных механизмов спроса и предложения, поэтому криптовалюта более волатильна по сравнению с какой-либо национальной валютой. Экономическая полезность и убытки, связанные с такой волатильностью, усиливаются в маржинальных фьючерсных контрактах и опционах, способных обеспечить интересы хеджеров — лиц, владеющих криптовалютой. Так или иначе, как и все фьючерсные продукты, спекуляции на рынках криптовалют должны рассматриваться как операции с достаточно высоким риском.

Юридическая квалификация криптовалюты как товара и распространение на нее экономико-правовых свойств и признаков товара позволяют структурировать имущественные риски и определить гражданско-правовые последствия совершения действий, направленных на приобретение вещно-обязательственных прав на криптовалюту. Регуляторный механизм, построенный на правоприменительном функционале суда как публичного института хозяйственно-экономической системы и основанный на гибкой политике правового просвещения и правового воспитания в области безопасности торгово-экономических отношений путем распространения универсальных образовательных решений и обучения стандартам регулирования финансового рынка, способен эффективно упорядочивать юридические связи между добросовестными участниками гражданского оборота, гарантируя восстановление нарушенных прав и пресечение действий, совершаемых в обход закона, и иных правонарушений. В конечном итоге это формирует доверие к криптовалюте как объекту гражданских прав, стимулирует развитие финансового рынка и повышает динамику гражданского оборота в целом, постепенно снижая риски совершения сделок по созданию и отчуждению криптовалюты и расчетов в ней.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=42199662107294672569709884&cacheid=2B46D23AB454FF9FDCF73C7BFE4E381D&mode=splus&base=LAW&n=342023&dst=100025&rnd=423448E142EB8FD30AD3D6DEFED74CE5#2o5g44i3ed4> (дата обращения: 03.02.2021).

Литература

1. Еременко А.С. Теоретические вопросы государственной правовой политики в области гражданского оборота / А.С. Еременко // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 6–8.

Курочкин**Сергей Анатольевич,**доцент кафедры теории
государства и праваУральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
кандидат юридических наук, доцент
tgpr@usla.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-45-49

Процессуальные сроки как средство обеспечения эффективности гражданского судопроизводства: в поисках оптимального правового воздействия

Не теряет своей актуальности проблема своевременности и эффективности судебной защиты. Средством обеспечения эффективности гражданского судопроизводства могут стать процессуальные сроки. Их использование требует подбора оптимальных средств правового воздействия на процессуальные отношения, формирования условий и стимулов, реализация которых позволит повысить эффективность и обеспечить своевременность судебной защиты гражданских прав.

Ключевые слова: эффективность, своевременность, судебное разбирательство, эффективный процессуальный срок, управление делом.

Несвоевременная защита прав в суде — это яркий пример несправедливости и неэффективности гражданского судопроизводства. Не одно столетие законодатели всех стран с разной степенью успешности стремятся реализовать идеал быстрого правосудия. И сегодня этот вопрос стоит на повестке дня. Обеспечение быстрого и эффективного процесса ведущими учеными рассматривается в числе основополагающих принципов современного гражданского судопроизводства¹. Важную роль в обеспечении своевременности и эффективности судебной защиты прав и законных интересов могут сыграть процессуальные сроки.

Нельзя не заметить, что идеал правосудия с минимальными временными издержками к настоящему времени так и не достигнут. Многочисленные исследования с применением традиционных методов правовой науки пытаются дать объяснения этому факту. Однако потребность в разрешении проблем задержек судебного разбирательства вынуждает расширить спектр методов поиска причин и возможных мер. Так, например, исследование процессуальных сроков может быть реализовано с применением экономического анализа права. Сроки рассмотрения дел — это разновидность издержек,

связанных с судебным разбирательством, которые принимаются во внимание рациональными участниками правоотношений при выборе формы защиты прав и законных интересов. Длительные, а особенно чрезмерные сроки рассмотрения дел существенно увеличивают издержки судебной защиты, существенно снижают как частные, так и социальные выгоды судебного разрешения споров. Сроки разбирательства являются одним из важнейших факторов, подлежащих учету при оценке эффективности гражданского судопроизводства. Как отмечается, продолжительность судебных разбирательств имеет важное значение для оценки качества и эффективности работы судебной системы в целом². Стоит согласиться, что продолжительность является одним из наиболее значимых показателей разумности и эффективности судебного разбирательства³.

Во всем мире ученые и практики солидарны в отрицательной оценке задержек судебного разбирательства. Так, несвоевременность рассмотрения и разрешения гражданского дела отрицательно влияет на эффективность судопроизводства, поскольку это нередко обесценивает

¹ Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М., 2012. С. 90–92.

² Филатова М.А. Сроки судебного разбирательства: от императива закона к активному судье? // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 43.

³ Киреева Е.Ю. Динамичность гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 85.

защищаемое субъективное право, а иногда приводит и к утрате самой возможности его защиты⁴. М.А. Филатова отмечает, что в современном судопроизводстве срок рассмотрения дел продолжает играть важную роль, но его контекст несколько поменялся. Невозможность быстрого, в кратчайшие возможные сроки разрешения социального конфликта приводит к тому, что сама по себе ценность его разрешения утрачивается⁵. Соблюдение разумных сроков судебного разбирательства обеспечивает авторитет правосудия и его эффективность⁶. Рассмотрение дел в установленных законом сроки является ключевым показателем эффективности работы соответствующих судьи и суда⁷. По оценке В.В. Яркова, «несоблюдение судом установленных законом сроков лишает участников спора правовой защиты»⁸.

По наблюдению специалистов, в современном российском судопроизводстве параллельно используются два подхода для обеспечения своевременности, оперативности правосудия. Первый путь, унаследованный от предшествующего исторического периода, заключается в установлении сроков рассмотрения дел в самом законе. Второй, основанный на международном понимании соотношения качества и срока судебной деятельности, предполагает рассмотрение дела в разумный срок, который определяется с учетом особенностей конкретного дела, а потому носит индивидуальный характер⁹. Стоит отметить, что в оценке этих подходов мнения ученых разошлись. Одни авторы сохранения правового регулирования сроков не оспаривают и рассматривают его как преимущество судопроизводства в российских судах¹⁰. Другие ученые склоняются в пользу дифференцированного подхода, направленного на достижение баланса качества и продолжительности процесса; «фиксированный» подход, по их мнению,

учитывает прежде всего значительную нагрузку судей и необходимость избежать накапливающейся массы неразрешенных дел в судебной системе¹¹. Какой же из перечисленных приемов правового воздействия на процессуальные отношения может быть принят за основу?

Как известно, российский процессуальный закон определяет ряд сроков, многие из которых являются пресекательными. Такой прием дисциплинирует участников гражданского судопроизводства, упорядочивает процесс рассмотрения и разрешения дела, позволяет спрогнозировать момент, когда в отношениях появится правовая определенность. Позволяет ли такой прием сократить сроки разбирательства? Ученые убеждены, что установленные законом предельные сроки рассмотрения гражданских дел гарантируют ускорение процесса, являются одним из условий его эффективности¹². Неочевидна тогда, однако, логика российского законодателя, который увеличил в 2018 г. общие сроки рассмотрения дел арбитражными судами с трех до шести месяцев (ст. 152 Арбитражного процессуального кодекса РФ; далее — АПК РФ), а также предоставил право руководству судов общей юрисдикции продлять сроки рассмотрения дел с учетом их сложности не более чем на один месяц (ч. 6 ст. 154 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее — ГПК РФ).

Подчеркнем, что эффективность судопроизводства обеспечивается не механическим соблюдением нормативно закрепленных сроков, а своевременностью защиты гражданских прав. Конституционным Судом Российской Федерации было указано, что одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав в судебном порядке, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц. Это означает, что правосудие можно считать отвечающим требованиям справедливости, если рассмотрение и разрешение дела судом осуществляется в разумный срок¹³. Механизм оценки процессуальных сроков на предмет разумности стал

⁴ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М., 2010. С. 117.

⁵ Филатова М.А. Указ. соч. С. 48.

⁶ De Longieril D. Procédure civile et nouvelles technologies. P., 2017. P. 53.

⁷ Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом. М., 2018. С. 365.

⁸ Ярков В.В. Юридические факты в гражданском процессе. М., 2012. С. 72.

⁹ Филатова М.А. Указ. соч. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Филатова М.А. Указ. соч. С. 46.

¹² См., например: Ярков В.В. Указ. соч. С. 73.

¹³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2019 г. № 2786-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лускало А.В. на на-

сегодня процессуальным средством их оптимизации. Именно он позволяет рационализировать сроки на фоне минимизации издержек ошибочных решений, что позитивным образом сказывается на эффективности судопроизводства. На наш взгляд, **индивидуализация процессуальных сроков на принципах разумности является альтернативой их механической стандартизации.**

Законный и обоснованный судебный акт обеспечивает достижение цели процесса, делает его эффективным. Еще более эффективным судопроизводство становится тогда, когда это происходит в минимально необходимые (оптимальные) сроки. При известных условиях ускорение судопроизводства предложено считать способом повышения его доступности и эффективности, поскольку имеет место минимизация временных и материальных затрат (судебных расходов) заинтересованного лица¹⁴. Выразим убежденность в том, что **разумность сроков судебного разбирательства**, оцениваемая по правилам ст. 6.1 ГПК РФ и 6.1 АПК РФ, **должна** наряду с перечисленными в законе обстоятельствами **учитывать также и их эффективность.** В.М. Шерстюк идет дальше, подчеркивая, что при определении разумности срока рассмотрения дела подлежит оценке и эффективность деятельности суда. О ее отсутствии свидетельствуют, например, большие интервалы между судебными заседаниями, незаконное приостановление производства по делу, неоднократное возвращение дела на новое рассмотрение¹⁵.

Средством обеспечения эффективности судебного разбирательства, оптимизации его продолжительности может стать законодательная конструкция «эффективного процессуального срока». **Эффективный процессуальный срок — это временной интервал, минимально необходимый для совершения процессуального действия.** Рационализация процессуальных сроков на принципах эффективности — это альтернатива их нор-

мативной стандартизации, более действенный в сравнении с «разумными сроками» инструмент решения задач судопроизводства. Так, разумность срока в значительной мере является субъективной оценкой, нередко сравнительной. Эффективность срока — это заметно более формализуемая и объективная его характеристика.

Именно эффективный процессуальный срок является оптимальным, поскольку он не предполагает каких-либо излишеств, пусть даже субъективно разумных и допустимых. Оценка эффективности производства по гражданскому делу требует аудита временных затрат. Ученые убеждены: для того чтобы оперативность была согласована с эффективностью и качеством судебного разбирательства, следует исключить периоды простоя, ненужные для рассмотрения дела. Размышления о своевременности процедуры должны привести к тому, как различать время полезное и время, подлежащее исключению¹⁶. Эффективным рассмотрение и разрешение дела в суде можно признать тогда, когда затраты времени будут минимальными, но при этом обеспечивающими достижение целей судопроизводства. Как суд, так и стороны должны принимать меры по сокращению непроизводительных временных издержек.

Еще советскими учеными отмечалось: «чем быстрее будет вынесено законное решение, тем эффективнее действует суд»¹⁷. Подобные тезисы нередко звучат и сегодня. Однако минимизация процессуальных сроков не должна абсолютизироваться. «Помимо количественных характеристик правосудия — его временного и денежного измерений — за правосудием всегда признавалась необходимость обеспечения его качества, т.е. правильности определения фактических обстоятельств дела и применения к ним норм права»¹⁸. Не случайно учеными подчеркивается, что скорость отправления правосудия по гражданским делам не влечет за собой всегда и непосредственно надлежащее качество рассмотрения дел, а также справедливость судебного разбирательства¹⁹. Как формальное

рушение его конституционных прав ч. 3 ст. 83 ЖК РФ, а также ч. 2 ст. 321 и п. 5 ст. 383 ГПК РФ».

¹⁴ Боннер А.Т., Фурсов Д.А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 5. С. 39.

¹⁵ Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства. М., 2015. С. 270.

¹⁶ De Longeri D. Op. cit. P. 62.

¹⁷ Одар Я.Э. О применении основных положений теории управления в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1974. С. 20.

¹⁸ Филатова М.А. Указ. соч. С. 47.

¹⁹ Киреева Е.Ю. Указ. соч. С. 87.

соблюдение нормативно установленных сроков, так и произвольная их минимизация не гарантируют высокого качества судебного решения. Именно издержки ошибочных решений балансируют временные затраты. Судебное решение выносится не для того, чтобы быть вынесенным по определенной форме и процедуре в минимальный срок, а для достижения главной цели — защиты прав и законных интересов лиц, нуждающихся в такой защите. Судебное решение должно быть не только законным и обоснованным, но и содержательно эффективным. Приоритет, безусловно, должен быть расставлен в пользу законности, обеспечение которой требует минимально необходимого времени судебной деятельности. Кроме того, могут быть приняты во внимание и иные закономерности, свидетельствующие о том, что нулевые временные издержки судебного разбирательства не являются эффективным решением. Так, процессуальные сроки как временные издержки обладают эффектом сдерживания, стимулируя стороны к договорному урегулированию. Ричард Познер подметил: «Обратное соотношение между издержками и временем подразумевает, что полное устранение интервала между началом судебного процесса и принятием решения было бы неэффективным»²⁰.

Методы экономического анализа права успешно применяются в исследованиях проблем задержек судебного разбирательства. Известная и нередко критикуемая концепция правосудия как государственной услуги предполагает, что на одной стороне выступает государство, обеспечивающее предоставление услуг по разрешению споров, на другой — потребители таких услуг. Так, например, Петер Гиллес, оценивая пути преодоления перегруженности судов, говорит о возможном обсуждении четырех основных стратегий: максимизации, оптимизации или минимизации государственного предложения правовых услуг, с одной стороны, либо управления, подавления, отклонения или гашения необъятного общественного спроса на такие правовые услуги, с другой стороны²¹. Воздействуя на спрос и

предложение, можно найти равновесное состояние, удовлетворяющее заинтересованные стороны. Вот только как это правильно сделать? Применение экономического подхода для анализа проблемы перегруженности судов и возникающих в связи с этим задержек рассмотрения дел позволило понять, что разрешение рассматриваемой проблемы путем увеличения количества судей нецелесообразно. Подобный вывод был сделан по результатам применения в судопроизводстве модели спроса и предложения. В теории было отмечено, что, повышая качество судебной сатисфакции, по крайней мере для тех, кто ценит ускоренное правосудие, увеличение числа судей побудит к обращению в суд тех людей, которые ранее воздерживались от этого из-за задержек. Увеличивая предложение способом, который снижает цену при увеличении качества, государство одновременно увеличивает величину спроса²². Неэффективность экстенсивного пути разрешения проблем перегруженности судов не только не исключает, но и подразумевает переход на интенсивный путь. Так, например, снижение временных затрат судебной защиты при увеличении ее качества путем внедрения новых информационных технологий судебной деятельности также может увеличить спрос, но при этом в долгосрочной перспективе стать эффективным решением.

Какие процессуальные механизмы могут оптимизировать сроки разбирательства дела, минимизировать их при сохранении качества судопроизводства? Много надежд в деле рационализации сроков небезосновательно возлагается на инструменты управления движением дела. Так, М.А. Филатова отмечает, что успех непрерывных попыток оптимизации сроков судебного разбирательства связывался в основном с двумя обстоятельствами: полномочиями суда управлять движением дела и санкциями в отношении сторон за несоблюдение указаний суда. Таким образом, есть прямая зависимость эффективности судебного разбирательства в части его продолжительности от полномочий судьи по управлению движением дела²³. Подобная зависимость очевидна, однако переоценивать ее значение не стоит. Более

²⁰ Познер Р. Экономический анализ права. СПб., 2004. С. 781–782.

²¹ Gilles P. Civil Justice Systems and Civil Procedures in a Changing World: Main Problems, Fundamental Reforms and Perspectives — A European View // Russian Law Journal. 2014. № 1. P. 45.

²² Познер Р. Указ. соч. С. 782–783.

²³ Филатова М.А. Указ. соч. С. 50.

реалистичной видится обусловленность продолжительности, но не эффективности, судебного разбирательства объемом полномочий судьи по управлению движением дела.

В русле концепции «активного судьи» с конца XIX в. во многих странах наблюдается процесс передачи процессуальных полномочий по планированию хода судебного разбирательства и совершению отдельных процессуальных действий от сторон и их представителей к судье. Такое распределение активности вырастает в идею сотрудничества как суда и сторон, так и сторон между собой для наиболее эффективного достижения целей судопроизводства²⁴. Идея хороша, но ее практическая реализация надежд не оправдала. Выразим убежденность в том, что потенциал «идеи сотрудничества суда и сторон в деле наиболее эффективного достижения целей судопроизводства», прежде всего в части минимизации сроков разбирательства, будет раскрыт в полной мере, когда такое сотрудничество будет подкреплено системой действенных сти-

мулов — «неявных цен», о которых так много говорится специалистами по экономическому анализу права.

Стоит отметить, что и сегодня вектор поиска путей минимизации сроков направлен в сторону «активного суда». Вместе с тем взгляд на эффективность судопроизводства через призму интересов и ответственности сторон позволяет задуматься и об их вкладе в решение задачи оптимизации процессуальных сроков. Так, средством оптимизации процессуальных сроков вполне могут стать соглашения о сроках судебного разбирательства и продолжительности судебных заседаний. Использование соглашений по срокам совместно с автоматизированной системой управления делами, учитывающей нагрузку суда, позволит оптимизировать временные издержки судебного разбирательства. Самые разные формы и средства влияния сторон судебного процесса на сроки разбирательства их дела судом могут стать предметом доктринального анализа. Его итоги, возможно, заставят вернуться к вопросу о выборе подхода для обеспечения своевременности и оперативности правосудия.

²⁴ Там же. С. 53.

Литература

1. Боннер А.Т. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли / А.Т. Боннер, Д.А. Фурсов // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 5. С. 37–43.
2. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : монография / Г.А. Жилин. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
3. Киреева Е.Ю. Динамичность гражданского процесса / Е.Ю. Киреева // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 2. С. 81–104.
4. Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом : монография / С.В. Лазарев. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. 399 с.
5. Одар Я.Э. О применении основных положений теории управления в советском гражданском процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Я.Э. Одар. Тарту, 1974. 32 с.
6. Познер Р. Экономический анализ права. В 2 томах : перевод с английского / Р.А. Познер ; под редакцией В.Л. Тамбовцева. Санкт-Петербург : Экономическая школа [и др.], 2004.
7. Филатова М.А. Сроки судебного разбирательства: от императива закона к активному судье? / М.А. Филатова // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 5. С. 42–60.
8. Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства : сборник статей / В.М. Шерстюк. Москва : Статут, 2015. 270 с.
9. Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / Н. Эндрюс ; перевод с английского М.Ю. Маслова ; под редакцией Р.М. Ходыкина. Москва : Инфотропик Медиа ; Берлин : [б. и.], 2012. 498 с.
10. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В.В. Ярков. Москва ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. 582 с.
11. De Longeiril D. Procédure civile et nouvelles technologies / D. De Longeiril. Paris : L'Harmattan, 2017. 160 p.
12. Gilles P. Civil Justice Systems and Civil Procedures in a Changing World: Main Problems, Fundamental Reforms and Perspectives — A European View / P. Gilles // Russian Law Journal. 2014. Т. 2. № 1. С. 41–56.

Звягина Наталья Сергеевна,

ассистент кафедры государственного
и административного права
Юридического института
Кемеровского государственного
университета
natalia.sheglova@list.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-50-55

Своевременность совершения процессуальных действий как механизм управления рисками в гражданском судопроизводстве

Настоящая статья посвящена проблеме управления процессуальными рисками в гражданском судопроизводстве. В рамках исследования автором рассмотрены возможности по управлению рисками путем своевременного совершения процессуальных действий. В работе сделан вывод о том, что полное понимание участниками процесса взаимосвязи между совершаемыми с пропуском процессуального срока действиями и вероятностью наступления неблагоприятных последствий (риском) будет способствовать повышению уровня ответственности заинтересованных лиц, а также окажет положительное влияние на минимизацию процессуальных рисков в гражданском судопроизводстве. В статье содержатся предложения по реформированию действующего процессуального законодательства.

Ключевые слова: процессуальный риск, управление процессуальными рисками, процессуальные сроки, совершение процессуальных действий.

Проблема процессуального риска в гражданском судопроизводстве в настоящее время является актуальной¹, но малоизученной в науке.

О наличии процессуальных рисков в отечественном гражданском судопроизводстве свидетельствует положение ч. 2 ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) «Состязательность», согласно которому лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Далее термин «риск» еще несколько раз встречается по тексту кодекса (например, ст. 41, 111, 159 АПК РФ).

Кроме того, многие нормы процессуального закона основаны на «рисковых началах»².

¹ См., например: Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 11–53; Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117–122; Звягина Н.С. Риск как общенаучная и правовая категория // Юрист. 2018. № 6. С. 70–76.

² Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 13.

В качестве примеров таких норм можно привести следующие: ст. 156 АПК РФ, согласно которой явка участников искового производства является их правом, а не обязанностью, что влечет за собой риск отсутствия заинтересованного лица в судебном заседании; ст. 65 АПК РФ, возлагающая на участника процесса бремя доказывания обстоятельств, на которые он ссылается, практически по всем категориям дел, и, как следствие, риски представления доказательств не в полном объеме, представления не относимых к делу доказательств и др.

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ), в свою очередь, прямо не закрепляет и не раскрывает содержание «риска», однако наравне с нормами АПК РФ содержит положения, основанные на рисковых началах, базируется на принципе диспозитивности и закрепляет принцип состязательности, сущность которого предполагает распределение рисков между участниками процесса.

Таким образом, можно утверждать, что «риск» присущ гражданским про-

цессуальным отношениям и является результатом совершаемых или не совершаемых заинтересованными лицами процессуальных действий.

Комплексный анализ процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что основными процессуальными рисками заинтересованных лиц в гражданском процессе являются риски потери времени, потери денежных средств, проигрыша дела и невозможности исполнения принятого судебного акта.

В связи с этим актуальность и ценность изучения процессуальных рисков обусловлены в первую очередь необходимостью выявления и разработки механизмов по управлению ими, что позволит сократить или в принципе исключить негативные последствия рискованных действий (бездействия) участников гражданских процессуальных правоотношений.

А.В. Юдин отмечает, что управление рисками в процессе представляет собой исключительно индивидуальную возможность, определяемую качествами как стороны спора, так и сложившейся процессуальной ситуации. Ориентирами управления рисками, по мнению ученого, выступают: готовность выбора, осмотрительность, забота о своих делах, несение ответственности за совершенные действия³.

Соглашаясь с указанным утверждением, полагаем, что наличие императивной процессуальной формы гражданского судопроизводства позволяет, помимо ориентиров управления процессуальными рисками, вывести общие и универсальные механизмы управления рисками в гражданском процессе.

Одним из таких механизмов является своевременность совершения процессуальных действий заинтересованными лицами.

Данный механизм управления процессуальными рисками прежде всего заключается в соблюдении установлен-

ных законом или судом процессуальных сроков, пропуск которых может повлечь утрату права на совершение того или иного процессуального действия или даже лишить заинтересованное лицо права на судебную защиту⁴.

Своевременное совершение процессуальных действий позволяет управлять процессуальными рисками и минимизировать их на всех стадиях гражданского процесса и при совершении большинства процессуальных действий.

Так, например, на стадии принятия искового заявления к производству суд устанавливает сроки для устранения нарушений требований к форме и содержанию искового заявления, пропуск которых влечет возврат иска заявителю (ст. 128 АПК РФ, ст. 136 ГПК РФ) и, как следствие, риски потери времени, а в случае неблагонадежности оппонента — и риск невозможности исполнения судебного акта ввиду отсутствия (потенциального сокрытия должником) денежных средств и (или) имущества.

На стадиях обжалования закон устанавливает сроки подачи апелляционной, кассационной и надзорной жалоб, пропуск которых без уважительных причин влечет за собой невозможность пересмотра судебного решения. Пропуск данных сроков по уважительным причинам также представляет собой ситуацию рискованного характера, поскольку уважительные, по мнению заявителя, причины могут быть не признаны таковыми судом⁵.

⁴ См., например: Постановление Пленума ВАС РФ от 25 декабря 2013 г. № 99 «О процессуальных сроках» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.02.2021).

⁵ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 09.02.2021); Постановление Пленума ВС РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 09.10.2020); Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 8 ноября 2017 г. по делу № 33-4298/2017.

³ Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 51.

Аналогичную ситуацию представляет собой несвоевременная подача заявлений о пересмотре судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Отдельно стоит обратить внимание на значение своевременного совершения процессуальных действий при применении упрощенных процедур рассмотрения гражданских споров, к которым относятся приказное и упрощенное производство.

Особая значимость своевременности совершения процессуальных действий по делам, рассматриваемым в упрощенных процедурах, обуславливается их широкой распространенностью и востребованностью.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывал, что одной из задач реформирования процессуального законодательства является рассмотрение в упрощенном порядке более 50% всех требований о взыскании денежных средств⁶.

В соответствии со статистикой, в первом полугодии 2019 г. суды общей юрисдикции в порядке приказного производства рассмотрели 6,7 млн гражданских дел, что составляет почти 75% всех дел этой категории. В упрощенном порядке суды рассмотрели 63 тыс. гражданских дел. Арбитражные суды в порядке приказного производства рассмотрели 28% всех экономических споров, а в упрощенном — 34%⁷. В первом полугодии 2020 г. количество дел, рас-

смотренных судами общей юрисдикции в порядке приказного производства, составило 7,4 млн гражданских дел, в порядке упрощенного производства — 53 тыс. гражданских дел⁸.

В связи с тем что приказное производство и упрощенный порядок рассмотрения гражданских дел являются самостоятельными процессуальными процедурами, представляется необходимым рассмотреть возможности по управлению процессуальными рисками путем своевременного совершения процессуальных действий отдельно в каждой из них.

По делам упрощенного производства особое значение имеет соблюдение срока представления пояснений и доказательств заинтересованным лицом.

Так, согласно ст. 228 АПК РФ по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, стороны вправе представить доказательства в срок, установленный арбитражным судом. Если доказательства или иные документы поступили в суд по истечении установленного срока, они не рассматриваются арбитражным судом и возвращаются лицам, которыми они были поданы.

Таким образом, заинтересованные лица несут риски проигрыша дела и несения судебных расходов по причине несвоевременного представления суду доказательств.

Обусловлено это тем, что решение суда в таком случае будет основываться исключительно на документах, приобщенных к материалам дела, даже если они фактически были опровергнуты поступившими не в срок доказательствами.

В аспекте управления процессуальными рисками путем своевременного представления пояснений и доказательств по делам упрощенного производства интерес представляет разъяснение Верховного Суда Российской

URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.02.2021); Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27 апреля 2016 г. по делу № 33-2100/2016. URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.10.2020); Апелляционное определение Саратовского областного суда от 5 сентября 2018 г. по делу № 33-6398/2018. URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.02.2021); и др.

⁶ Паспорт проекта Федерального закона № 383-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2021).

⁷ Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации на Пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 декабря 2019 г. «О реализованных мерах по совершен-

ствованию правосудия». URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 09.02.2021).

⁸ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения: 29.02.2021).

Федерации, закрепленное в Обзоре № 5 за 2017 г.

Так, согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, информация о получении копии определения ответчиком в суд не поступила либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции, суд должен вынести определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства — в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств⁹.

Данное толкование положений процессуального закона выступает гарантией состязательности сторон гражданского процесса, существенно минимизирует риски упрощенной процедуры, позволяет заинтересованному лицу, не имеющему объективной возможности своевременно обосновать свою позицию, реально защитить свое право, а суду — вынести законное и обоснованное решение.

В рамках приказного производства значительный риск представляют ситуации направления возражений относительно исполнения судебного приказа за пределами установленного законом срока.

Так, должник в течение 10 дней с момента получения судебного приказа имеет право представить возражения относительно его исполнения. В случае поступления возражений в срок суд отменяет судебный приказ (ст. 128, 129 ГПК РФ, ст. 229.5 АПК РФ).

Несвоевременное представление возражений на судебный приказ может повлечь за собой ситуацию взыскания ранее оплаченной задолженности, денежных средств по договору, который расторгнут сторонами, суммы долга за пределами срока исковой давности и т.д.

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 декабря 2017 г. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

Таким образом, пропустив срок на представление возражений относительно исполнения судебного приказа, заинтересованные лица несут риски дополнительных финансовых потерь, которых с максимальной степенью вероятности можно было бы избежать при рассмотрении требований в порядке искового производства, то есть в рамках состязательного процесса.

Стоит отметить, что срок на подачу возражений относительно исполнения судебного приказа может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин, послуживших его пропуску.

Вместе с тем, по аналогии с восстановлением сроков на подачу апелляционных, кассационных и надзорных жалоб, общепризнанный перечень уважительных причин пропуска данного срока отсутствует, и окончательное решение вопроса находится в области судебного усмотрения¹⁰, что свидетельствует о повышенных рисках при рассмотрении такого рода заявлений.

Возможны различные варианты разрешения обозначенной проблемы. Например, путем законодательного закрепления обязанности суда по отмене судебного приказа на основании поданного за пределами 10-дневного срока заявления должника при наличии опровергающих удовлетворенные требования доказательств; либо посредством установления дополнительного основания пересмотра судебного приказа по вновь открывшимся обстоятельствам¹¹; либо при установлении четких оснований

¹⁰ См., например: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

¹¹ См., например: Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве. М. : Проспект, 2017. С. 40–41; Гаврилов С.О., Трезубов Е.С. Защита прав третьих лиц в приказном производстве: в поисках оптимальной модели регулирования // Журнал российского права. 2019. № 4 (268). С. 78.

прекращения исполнения судебного акта. Безусловно, каждый из перечисленных вариантов требует самостоятельного правового анализа в целях определения оптимальной модели, соответствующей правовой природе приказного производства и позволяющей заинтересованным лицам эффективно защитить нарушенное право.

Важно, что решение данного вопроса значительно снизит риски добросовестных участников приказного производства, будет способствовать законности и стабильности гражданского оборота.

Своевременность совершения процессуальных действий имеет существенное значение и при взыскании судебных расходов.

Так, Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» унифицировал срок на подачу заявления о возмещении судебных расходов. С 1 октября 2019 г. установлен единый трехмесячный срок для обращения в суд с заявлением на возмещение судебных расходов, исчисляется данный срок со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела (ч. 1 ст. 103.1 ГПК РФ, ч. 2 ст. 112 АПК РФ). До принятия данного нормативного правового акта сроки обращения с заявлением о взыскании судебных расходов различались: АПК предусматривал 6-месячный срок (ч. 2 ст. 112 АПК РФ), ГПК не предусматривал таковой вовсе, а суды общей юрисдикции руководствовались общим трехлетним сроком исковой давности¹².

На наш взгляд, данные поправки должны быть восприняты исключительно положительно, поскольку снижение сроков на обращение в суд с заявлением о возмещении судебных расходов, безусловно, создает большую правовую определенность в процессуальных отношениях сторон, а их унификация служит

дополнительной гарантией равноправия участников арбитражного и гражданского процесса.

Вместе с тем пропуск установленного законом срока на предъявление требований о взыскании судебных издержек влечет за собой утрату заинтересованным лицом права на рассмотрение данных требований в судебном порядке, и, как следствие, расходы выигравшего в споре лица остаются за ним как не подлежащие распределению.

Требование своевременности совершения процессуальных действий в аспекте управления рисками относится и к соблюдению прав и законных интересов иных участников процесса.

Так, согласно ч. 3 ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах установленного судом срока.

Участники процесса вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно (ч. 4 ст. 65 АПК РФ). С 1 октября 2019 г. аналогичное положение закреплено и в ст. 56 ГПК РФ.

Последствием нарушения данной нормы может стать отказ суда в приобщении своевременно не раскрытых доказательств к материалам дела (ст. 9, 41, 65 АПК РФ) либо, что бывает намного чаще, возложение на лицо, допустившее указанное нарушение, всех судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела (п. 5 ст. 65 АПК РФ)¹³.

Таким образом, несвоевременное раскрытие доказательств в рамках как арбитражного, так и гражданского процессов возлагает на нарушившую сто-

¹² См., например: Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-9131/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2021).

¹³ См., например: Постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2021); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А56-26148/2019. URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.02.2021); Постановление первого арбитражного апелляционного суда по делу № А43-4140/2019. URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.02.2021); и др.

рону дополнительные и существенные процессуальные риски.

В аспекте управления процессуальными рисками считаем важным закрепление на уровне процессуального закона обязанности не только заблаговременного раскрытия доказательств по делу, но и заблаговременного направления суду и всем участникам процесса ходатайств (заявлений), в особенности требующих детального изучения, например о назначении экспертизы, о вызове свидетелей, о привлечении специалиста и т.д.

Несвоевременное ознакомление с процессуальными ходатайствами оппонента (на практике стороны часто обмениваются данными документами за несколько минут до заседания или непосредственно в зале суда) влечет за собой невозможность обоснованно возразить против их удовлетворения полностью или в части и, как следствие, порождает риски затягивания судебного разбирательства, появления недопустимых и (или) неотносимых доказательств.

Последствием несвоевременного направления ходатайств (заявлений) суду и другим участникам процесса должен стать отказ суда в рассмотрении таких заявлений (по аналогии со ст. 9, 41, 65 АПК РФ)¹⁴ либо возложение на лицо, допустившее указанное нарушение,

всех судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела (по аналогии с п. 5 ст. 65 АПК РФ).

Таким образом, участники процессуальных правоотношений, совершая те или иные действия, должны в силу как фундаментальных положений процессуального закона, закрепляющих принципы состязательности и равноправия, так и норм права, устанавливающих конкретные процессуальные сроки, действовать осмотрительно, самостоятельно проявляя заботу о своих делах.

Осознание как профессиональными, так и непрофессиональными участниками процесса взаимосвязи между совершаемыми с пропуском процессуальных сроков действиями и вероятностью наступления неблагоприятных последствий (риском) позволит повысить уровень ответственности участников процесса, минимизировать процессуальные риски и их неблагоприятные последствия, а также будет способствовать усилению доверия к судебной системе.

Изложенное свидетельствует, что своевременное совершение процессуальных действий заинтересованными лицами представляет собой эффективный механизм управления рисками в гражданском судопроизводстве.

¹⁴ См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 июля

2029 г. по делу № А27-21858/2017. URL: <https://www.kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.02.2021).

Литература

1. Гаврилов С.О. Защита прав третьих лиц в приказном производстве: в поисках оптимальной модели регулирования / С.О. Гаврилов, Е.С. Трезубов // Журнал российского права. 2019. № 4 (268). С. 69–81.
2. Звягина Н.С. Риск как общенаучная и правовая категория / Н.С. Звягина // Юрист. 2018. № 6. С. 70–76.
3. Решетникова И.В. Теория процессуального риска / И.В. Решетникова // Закон. 2012. № 6. С. 117–122.
4. Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве / Л.А. Терехова. Москва : Проспект, 2017. 144 с.
5. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 11–53.

Гусев Алексей Юрьевич,

доцент Департамента теории права
и межотраслевых юридических
дисциплин Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
judgegusev@mail.ru

DOI: 10.18572/1812-383X-2021-4-56-60

Развитие правовых положений о защите социальных прав работников в дореволюционной России (начало XX в.)

Автором проведен анализ законодательно установленных способов защиты права на социальное обеспечение работников, членов их семей в дореволюционной России, судебной защиты таких прав, исследованы практические вопросы применения такой защиты, основные источники российского законодательства того времени, регулировавшие указанные вопросы, высказаны отдельные предложения о возможности заимствования положительного опыта современным российским законодателем.

Ключевые слова: жалоба, фабричный инспектор, окружной инженер, иск, обращение в суд, судебные издержки, страховые товарищества, несчастный случай на производстве, страховые товарищества.

Политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, обеспечение защиты социальных прав граждан.

В этой связи обращение к истории защиты социальных прав граждан в России в связи с наступлением отдельных социальных рисков позволяет выявить особенности развития такой защиты, материального обеспечения граждан в связи с наступлением социальных рисков в нашей стране на разных этапах ее развития, учесть положительный опыт такого регулирования при решении будущих законодательных задач.

Вопросы социальной защиты и социального обеспечения граждан решались российским государством в разные эпохи по-разному, равно как различны были и механизмы защиты материального права на социальное обеспечение, инструменты такой защиты. При этом следует высоко оценивать регулирование этих вопросов российским дореволюционным законодательством.

В России первым законодательным актом, который непосредственно регулировал вопросы социального обеспечения вследствие несчастных случаев на отдельных предприятиях, был Закон от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев, а равно членов их семей на предприятиях фабрично-заводской, горной и горноза-

водской промышленности» (далее — Закон от 2 июля 1903 г.)¹.

Данным актом впервые законодательно были определены отдельные инструменты защиты права рабочих, потерпевших вследствие несчастных случаев, распространявшиеся на рабочих фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности и членов их семей. Именно данным актом были заложены правовые основы социального обеспечения рабочих от несчастных случаев на предприятиях — как рабочим, так и членам их семей в случае несчастного случая предоставлялось вознаграждение в виде пособий и пенсий.

В соответствии с Законом от 2 июля 1903 г. работодатель нес полную ответственность перед работниками при несчастных случаях на производстве. Работник имел право на половину части среднего заработка при временной утрате трудоспособности и 2/3 заработка — в случае наступления инвалидности. В случае согласия рабочего выплаты по инвалидности могли капитализироваться в единовременную выплату.

Защита права на указанные виды социального обеспечения по анализируемому закону была возможна двумя основными способами: в административном порядке путем обращения к фабричному инспектору или окружному инженеру, а также в судебном порядке.

¹ Полное собрание законов. III. Т. XXIII. № 23060.

Первоначально для получения пособий и пенсий, определения их размеров потерпевший рабочий или члены его семьи должны были вступать в переговоры с владельцем предприятия, по результатам которых могло быть составлено соглашение о виде и размере вознаграждения. Соглашение подлежало удостоверению фабричным инспектором (окружным инженером) и имело силу мировой сделки в суде (ст. 31 Закона 2 июля 1903 г.).

При возникновении разногласий стороны могли обратиться с заявлением (устным или письменным) к фабричному инспектору (окружному инженеру), который осуществлял разъяснение прав и пытался разрешить возникшие разногласия (ст. 32), такое разрешение спора могло закончиться составлением соглашения о выплатах потерпевшему.

Если указанным должностным лицам разрешить разногласия не удавалось, то работник получал право обратиться в суд. Обращение работника в суд, минуя обжалование действий владельца предприятия у фабричного инспектора (окружного инженера), лишало его права на получение от ответчика судебных издержек (ст. 40 Закона от 2 июля 1903 г.).

Иск о вознаграждении предъявлялся к владельцу предприятия по выбору истца — по месту, где произошёл несчастный случай, либо по месту жительства ответчика или нахождения его конторы или правления предприятия (ст. 39 Закона от 2 июля 1903 г.).

Предъявление иска в суд ограничивалось двухлетним сроком. При этом Закон 1903 г. не предусматривал возможности восстановления этого срока в связи с пропуском его по уважительным причинам (ст. 36).

Статья 44 Закона от 2 июля 1903 г., законодательно защищая интересы лиц, которым обязаны были выплатить социальное обеспечение, устанавливала обязанность «неисправного» владельца предприятия уплатить за пропущенные сроки выплат пособий или пенсий в связи с несчастным случаем дополнительное вознаграждение в размере 1% в месяц с суммы просроченного платежа. Указанные положения позже были заимствованы Уставом о промышленном труде 1913 г., ст. 584 которого предусматривала, что владелец предприятия, неисправный в выдаче вознаграждения, обязан уплатить за пропущенные сроки

дополнительное вознаграждение в размере одного процента в месяц с суммы просроченного платежа, считая части месяца за полный месяц, а в случае просрочки уплаты пенсии более чем на 6 месяцев обеспечить правильное производство причитающихся с него платежей. В целом похожую ответственность устанавливала и ст. 57 Закона от 23 июня 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев»² (далее — Закон от 1912 г.), определяя, что в случае приговора по суду страхового вознаграждения, в назначении которого страховым товариществом было отказано, а равно в случае приговора суду страхового вознаграждения в большем против назначенного товариществом размере — на всю сумму, не доплаченную просителю с того срока, когда назначено право на пенсию, начисляются проценты из расчета 6% годовых.

Современное российское законодательство, к сожалению, таких правил относительно пенсий и пособий в связи с несчастным случаем на производстве не содержит. Учитывая значимость получаемых российскими гражданами пенсий и пособий, связанных с несчастными случаями на производстве, которые зачастую являются для них единственным источником дохода, подобные положения дореволюционных законодательных актов следовало бы предусмотреть и в действующем законодательстве Российской Федерации.

В Российской империи в тот период системы страхования рабочих по найму не существовало, но государство стимулировало работодателей по страхованию рабочих в случае наступления социальных рисков: ст. 52 Закона от 2 июля 1903 г. предусматривала, что владельцы предприятий, страхующие рабочих и служащих от последствий несчастных случаев на условиях, не менее благоприятных для потерпевших и членов их семейств, чем предусмотренные настоящими правилами, освобождаются от возлагаемых на них последними обязанностей. Обязанности эти переносятся в таких случаях на означенные общества и учреждения.

Закон от 2 июля 1903 г., как верно отмечал В.С. Андреев, по сути, вводил особую ответственность предпринимателей за увечье, полученное на производстве, — такая

² См.: Полное собрание законов. Т. 26. № 37447; Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. I. Ст. 1230.

ответственность была построена на гражданско-правовых началах³.

На смену Закону от 2 июля 1903 г. было принято Положение о страховании рабочих от несчастных случаев на производстве, введенное Законом от 23 июня 1912 г., положения которого распространялись на предприятия, принадлежавшие земствам и городам.

Общий порядок регулирования отношений по выплате страхового вознаграждения по сравнению с предыдущим законодательным актом был сохранен. К числу новелл Положения о страховании рабочих от несчастных случаев 1912 г. (далее — Положение 1912 г.) следует отнести определение категории «застрахованные лица» (п. 4) и аккумуляцию средств на выплату возмещений в специально создаваемых страховых товариществах, которые существовали уже независимо от финансовой состоятельности конкретного владельца предприятия (п. 7).

Участниками страховых товариществ являлись работники и владельцы нескольких предприятий. Контрольные функции за страховыми товариществами сохранили (в отличие от окружных инженеров) фабричные инспекторы, к полномочиям которых было отнесено ведение списков предприятий, которые обязаны были участвовать в страховых товариществах, вынося распоряжения владельцам предприятий о привлечении их к участию в страховых товариществах (п. 8, 10).

Если Правила 1903 г., действовавшие до 23 июня 1912 г., устанавливали вознаграждение лишь вследствие несчастных случаев, то принятием Закона от 23 июня 1912 г. «Об обеспечении рабочих на случай болезни», закрепившего Положение об обеспечении рабочих на случай болезни, государство законодательно предусматривало уже выплату пособий по болезни, в связи с беременностью, родами, оказанием врачебной помощи.

Если по Положению 1903 г. бремя расходов по выплате вознаграждения вследствие несчастного случая нес владелец предприятия, то по Положению об обеспечении рабочих на случай болезни 1912 г. (п. 17, 18) предусматривалось учреждение больничных касс, которые уже являлись «юридическими лицами». Больничные

кассы учреждались участниками и имели свой устав, могли от своего имени приобретать права на имущество, вступать в обязательства, обращаться в суд от имени кассы. Средства больничных касс, которые выплачивались участникам касс уже не только в случае болезни, увечья, но и в случае беременности и родов, а в случае смерти полагалось пособие на погребение, — образовывались из взносов участников, выплат владельцев предприятия, доходов от имущества кассы, из пожертвований, из денежных взысканий, налагаемых правлениями больничных касс.

Контроль за расходованием средств, ведением делопроизводства либо отчетностью больничных касс возлагался как на фабричных инспекторов, так и подчиненных чиновников аппарата губернатора (из контрольных органов к 1912 г. были исключены окружные инженеры), которые вправе были проводить проверки работы и расходования денежных средств кассы, предоставляя затем отчет на рассмотрение присутствия по делам страхования рабочих (ст. 106, 107 Положения по болезни 1912 г.).

Закон от 23 июня 1912 г. утвердил Положение об учреждении присутствий по делам страхования рабочих (далее — Положение от 23 июня 1912 г.), устанавливая такой орган, как Присутствие по делам страхования рабочих (п. 1).

Присутствие по делам страхования рабочих, в современном понимании, представляло собой административный орган, к полномочиям которого были отнесены наблюдение за исполнением положений об обеспечении рабочих на случай болезни и о страховании рабочих от несчастных случаев и издаваемых в их исполнение нормативных актов, рассмотрение жалоб на распоряжение чинов фабричной инспекции и горного и судоходного надзора⁴.

Председателем присутствия являлся губернатор, в его состав входили члены присутствия: вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда или его товарищ, старший фабричный инспектор, врачебный инспектор и др. (п. 2 Положения от 23 июня 1912 г.).

³ См.: Андреев В.С. Научные труды. Т. 1. М.: Изд. центр им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 236.

⁴ См.: Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих: Высочайше утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон 23 июня 1912 г. // ПСЗ. III. Т. 32. № 37444; Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. I. Ст. 1227.

Анализ законодательных полномочий фабричного инспектора позволяет прийти к выводу о том, что последний имел широкие и конкретизированные полномочия в сфере контроля за социальным обеспечением рабочих по болезни и в связи с несчастными случаями на предприятиях, что обращение к нему позволяло защищать права заявителей в сфере социального обеспечения.

Представляется, что отдельные полномочия фабричного инспектора в дореволюционной России могут быть восприняты современным законодателем путем введения института социального уполномоченного, действующего при Фонде социального страхования Российской Федерации. В число его полномочий могли бы быть включены такие как: участие в разрешении досудебных споров по вопросам социального обеспечения, уведомление уполномоченного о всех случаях несостоятельности или ликвидации предприятий, действующих на территории субъекта Российской Федерации, где осуществляет деятельность социальный уполномоченный.

Защита права на социальные выплаты по Закону 1912 г. предусматривала обязательное досудебное обращение о назначении страхового возмещения в страховое товарищество (п. 46). Возможность обращения ограничивалась двухлетним сроком, затем право требовать страхового вознаграждения прекращалось. Обращение в страховое товарищество влекло вынесение последним предварительного постановления о выплатах. В случае несогласия с ним проситель в течение 2 месяцев мог подать возражения, и в течение 1 месяца назначалось новое рассмотрение дела (заявитель извещался о рассмотрении дела, а в случае его неявки дело могло быть рассмотрено в его отсутствие), по результатам которого выносилось окончательное решение страховым товариществом, которое потерпевший в случае несогласия мог обжаловать в суд в течение 6 месяцев; предъявление иска по истечении указанного срока влекло отказ в его рассмотрении, что предусматривалось ст. 48–59 Закона 1912 г.

В 1913 году вступил в силу Устав о промышленном труде⁵ (далее — УПТ 1913 г.): он стал первым специализированным нор-

мативно-правовым актом о труде в царской России, систематизировавшим дореволюционное рабочее законодательство⁶.

В УПТ 1913 года, в ст. 2 гл. 1, были актуализированы ранее разрозненные по разным нормативным актам правила о должностных лицах, которые могли осуществлять контрольно-надзорные функции на фабриках, заводах и горных промыслах. Такой надзор возлагался на местное губернское начальство, осуществлялся он при содействии присутствий, окружных инженеров и их помощников, чинов общей полиции, фабричных инспекторов и др.

УПТ 1913 года объединил нормы, регулировавшие полномочия фабричной инспекции, осуществлявшей контрольные и надзорные полномочия на предприятиях. Среди прочих полномочий, в том числе в области социальной защиты рабочих, фабричная инспекция принимала меры к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем исследования на месте возникающих неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон (п. 8 ст. 34 УПТ).

Регулируя социально-обеспечительные отношения рабочих, УПТ 1913 г. объединил нормы, регулировавшие рабочее законодательство, в том числе нормы, устанавливавшие вопросы обеспечения рабочих в случае болезни, беременности и родов, несчастных случаев на предприятии.

УПТ 1913 года предусматривал защиту этих материальных прав: предусматривалась возможность разрешения спора путем обращения с заявлением к должностным лицам, а также в суд. В силу положений ст. 572–583 УПТ 1913 г. владелец предприятия и потерпевший, члены его семьи, вступив в переговоры с владельцем предприятия, могли решить вопрос о социальных выплатах заключением соглашения, которое утверждалось фабричным инспектором или окружным инженером. За разрешением возникших разногласий необходимо вначале было обратиться к с заявлением к указанным должностным лицам, а затем при продолжении спора в суд: иск мог быть предъявлен в течение 2 лет к владельцу предприятия по месту, где произошел несчастный случай, или по месту жительства ответчика, нахождения его конторы.

⁵ См.: Громан В. В. Устав о промышленном труде (Св. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597). Петроград: Изд. юрид. книжного склада «Право», 1915.

⁶ См. подроб.: Скачкова Г. С. Отношения в сфере найма труда в России: становление и развитие правового регулирования. М., 2017. С. 62, 69.

Материалы и документы применения исследованных законодательных актов дореволюционной России применительно к вопросам защиты прав рабочих того времени свидетельствуют, что «если фабричный инспектор при разборе жалобы рабочего усматривал обоснованность его заявления, то после неудавшейся попытки примирения сторон направлял рабочего в суд: рабочие это предложение встречали очень неохотно, требуя от инспектора, чтобы тот обязал администрацию предприятия осуществить причитающиеся выплаты. Такая позиция большинства рабочих объяснялась, во-первых, их правовой неграмотностью, необеспеченностью, во-вторых, длительной процедурой судебного разбирательства: большинство рабочих в суд обращались крайне редко, предпочитая заключать с фабрикантами явно невыгодные для себя сделки по выплате вознаграждения»⁷.

Подтверждением изложенных выше обстоятельств служат и статистические данные: отчетные данные показывают значительный разрыв между числом несчастных случаев и числом поданных заявлений о назначении пенсий и пособий. По Петербургскому товариществу заявления о назначении пенсий и пособий составили 20,2% к числу

несчастных случаев (5 677 — заявления о выплатах, 28 216 — количество несчастных случаев), по Поволжскому — 13,4% (1064 — количество заявлений и 7941 — количество несчастных случаев), по Одесскому — 12,7% (972 и 7639), по Харьковскому — всего 4,2% (3163 и 74,7 тыс.), по Уральскому — 1,8% (498 заявлений, 24 406 — число несчастных случаев). Фактическое число получаемых пенсий и пособий было еще меньше вследствие отклонения товариществами многих заявлений⁸.

Проведенный анализ показал, что дореволюционные законодательные акты, регулировавшие вопросы социального обеспечения работников, в отличие от предыдущих источников, отличалось большей системностью, определяли правовые механизмы защиты права на социальные выплаты в административном порядке путем обращения к фабричному инспектору (окружному инженеру), полномочия которого были подробно регламентированы законом, либо в судебные органы с иском; содержали положения об ответственности владельца предприятия за просрочку, невыплату пенсий и пособий.

⁷ См.: Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931. С. 183–185.

⁸ См.: Иванов Л.М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение. URL: http://russiabgu.narod.ru/pages/themes/txt/ivanov_strahovoi_zakon.pdf (дата обращения: 05.02.2021).

Литература

1. Андреев В.С. Научные труды. В 2 томах. Т. 1 / В.С. Андреев. Москва : Издательский центр имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. 342 с.
2. Громан В.В. Устав о промышленном труде (Св. зак., т. XI, ч. 2, изд. 1913 г., статьи 1–228 и 541–597) / составитель В.В. Громан. Петроград : Право, 1915. 440 с.
3. Гусев А.Ю. Разрешение споров в области социального обеспечения / А.Ю. Гусев // Кадровик. 2019. № 9. С. 49–54.
4. Гусев А.Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение : монография / А.Ю. Гусев. Москва : Проспект, 2018. 110 с.
5. Лушникова М.В. Курс права социального обеспечения / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. Москва : Юстицинформ, 2008. 596 с.
6. Нюлькен А.М. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев : (Высоч. утв. 23 июня 1912 г.; Собр. узак., № 141, ст. 1230) : практическое руководство / составитель А.М. Нюлькен. Петроград : Право, 1913. 363 с.
7. Скачкова Г.С. Отношения в сфере найма труда в России: становление и развитие правового регулирования : монография / Г.С. Скачкова. Москва : А-прод-жент, 2017. 330 с.
8. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права / Л.С. Таль. 2-е изд., значит. доп. Москва : Московское научное изд-во, 1918. 224 с.
9. Хохлов Е.Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1: Правовое регулирование труда в Российской империи / Е.Б. Хохлов. Санкт-Петербург : Специальный факультет по переподготовке кадров по юридическим наукам СПбГУ, 2000. 194 с.

Arbitrazh-civil procedure

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION EDITION. Registered in Federal service on supervision in sphere of media communications and protection of cultural heritage
PI No. FC77-29216 of August 23, 2007. Published since 1998. Published monthly

No. 4/2021

EDITOR IN CHIEF:

Jarkov V.V., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation

DEPUTY EDITOR IN CHIEF, REGIONAL EDITOR:

Dolganichev V.V., PhD (Law), associate professor

EDITORIAL BOARD:

Arifulin A.A., professor, Honored Lawyer of the RF;
Vitryanskij V.V., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Jilin G.A., LL.D., professor, Honored Lawyer of the RF;
Isajchev V.I., Honored Lawyer of the RF;
Nosyreva E.I., LL.D., professor;
Osokina G.L., LL.D., professor;
Renov Eh.N., PhD (Law), professor;
Sakhnova T.V., LL.D., professor;
Treushnikov M.K., LL.D., professor;
Tumanova L.V., LL.D., professor;
Scherstjuk V.M., LL.D., professor;
Yukov M.K., LL.D., professor

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N.,
Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Solovyeva D.V.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Founder: Jurist Publishing Group

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel. / fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Tel.: (495) 953-91-08

ADDRESS PUBLISHERS / EDITORS:

Bldg. 7, 26 / 55, Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035.

E-mail for authors: avtor@lawinfo.ru

SUBSCRIPTION:

United catalogue. Russian press — 85473;

Russian post. Digital catalogue — П1715.

Subscription at www.lawinfo.ru

Passed for printing: 30.03.2021.

Issue was published: 08.04.2021.

ISSN 1812-383X

Printed at typography National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37

Size 170x252. Offset printing.

Printer's sheet 5,0. Conventional printed sheet 5,0.

General circulation 4000 copies. Free market price.

RELEVANT ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE

3 **Zarubina M.N.** The Social Role of General Legal Principles in the Modern Civil Procedure

8 **Stepin A.B.** A Legal Conflict in Civil Right Protection Mechanisms

13 **Borisova V.F.** Electronic Justice Platforms in Civil Cases: The Status, Risks, Prospects

ADMINISTRATIVE PROCEDURE

18 **Opalev R.O.** The Subject of Judicial Protection in Administrative Proceedings

23 **Morozova N.A.** Inadmissibility of Summary Hearing of Administrative Offense Cases by Commercial Courts

INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

27 **Latkina A.K.** How a Financial Manager Can Collect Losses from a Bank in the Course of a Private Bankruptcy Procedure

ARBITRATION COURT

32 **Balashova I.N.** Arbitration Agreement: The Legal Nature and Application Practice of an Arbitration Agreement

CIVIL PROCEDURE OF FOREIGN COUNTRIES

37 **Chernov K.N.** The Influence of the European Convention on the Establishment of Compensation Proceedings in an Arbitral Procedure: Foreign Experience

40 **Kontsevoy A.V.** Law Enforcement Approaches to the Legal Qualification of Cryptocurrency (U.S. Judicial Practice)

ROUND TABLE

45 **Kurochkin S.A.** Procedural Terms as Means of Ensuring Efficiency of Civil Proceedings: In Search of the Optimal Legal Impact

50 **Zvyagina N.S.** Timeliness of Performance of Procedural Actions as a Risk Management Mechanism in Civil Proceedings

SOME HISTORY

56 **Gusev A.Yu.** The Development of Legal Provisions on Protection of Social Rights of Employees in the Pre-Revolutionary Russia (the Early XX Century)

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

The Social Role of General Legal Principles in the Modern Civil Procedure**Zarubina Maria N.**

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Saratov State University
PhD (Law)

In this article the author analyzes the problems that might arise with implementation of the general legal principles in the civil process. The point is made about the enormous social role of these principles and their special influence on the development of the entire procedural legislation. Based on the research of modern scholars, as well as the conclusions of judicial practice, signs of general legal principles are proposed: universality, normativity, imperative, discretion and temporality. Of particular importance for civil and administrative legal proceedings, according to the author, are such general legal principles as democracy, humanism, legality, equality and justice.

Keywords: general legal principles, civil process, litigation, justice.

A Legal Conflict in Civil Right Protection Mechanisms**Stepin Aleksandr B.**

Judge of the Astrakhan Regional Court, PhD (Law), Associate Professor

The concept of legal conflict is General (cross-sectoral) and at the same time basic in private and public legal mechanisms for the protection of civil rights, along with the issues of choosing the appropriate method of protection, jurisdiction of the dispute, and compliance with the officially established order (procedure). In the context of legal conflict, it is practically significant to study the causes of the conflict, the dynamics of development and the possibility of conflict management. The author assumes that legal conflicts based on legal and individual (contractual, local, judicial) regulation are considered in two forms (types) as unregulated (consensual, non-confrontational) and qualified (law enforcement, confrontational), reflecting the development of legal relations from erroneous actions to tort. Conflicts aimed at restoring the violated (disputed) right allow resolving disputes about the law, the legality of (unfair) actions (inaction), and overcoming the shortcomings of legislation. In this regard, civil-legal and administrative-legal disputes are crucial.

Keywords: legal conflict, civil rights protection mechanisms, subjective civil rights and obligations, main elements of civil rights protection mechanisms, stages of civil rights protection, private and public legal mechanisms of civil rights protection, methods of civil rights protection, means of civil rights protection, form of protection.

Electronic Justice Platforms in Civil Cases: The Status, Risks, Prospects**Borisova Viktoria F.**

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)

The article is devoted to the analysis of procedural services of the justice system, the Integrated information system of courts of general jurisdiction, and the justice online superservice. As a result of the conducted comparison, fully and imperfectly functioning procedural options were identified, as well as the circumstances that prevent their application. The author identifies alarming trends related to the digitalization of justice. Among them: parallel co-existence of many information platforms of courts with various 'electronic' procedural services; binding of tested automated information systems to the courts of a certain region; blurring of the essence of justice as a type of law enforcement state activity, through which judicial power is exercised; unresolved problems of legal regulation, weighed down by a layer of new gaps caused by the digitalization of justice and the use of artificial intelligence. In this regard, the author defines the directions for improving the legal regulation of procedural legal relations implemented in electronic format.

Keywords: electronic justice, digitalization, gas 'Justice', superservice 'Justice online'.

The Subject of Judicial Protection in Administrative Proceedings**Opalev Rim O.**

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Russian State University of Justice, hD (Law), Associate Professor

The article contains an analysis of topical issues of distinction between subject matters of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation. The author criticizes provisions of the theory and modern judicial practice, makes conclusions about the current situation and prospects for the development of doctrine, judicial practice on the indicated problem by relying on comparative legal and historical researches. In particular,

the article provides arguments in favor of changing the approach to the distinction between civil and administrative cases that developed in the Soviet period, and points out the absence of grounds for applying this approach at the present time.

Keywords: administrative dispute, administrative matter, administrative suit, administrative justice, judicial competence.

Inadmissibility of Summary Hearing of Administrative Offense Cases by Commercial Courts

Morozova Natalya A.

Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law of the Law Institute of the Siberian Federal University

Judge of the Third Arbitration Court of Appeal, PhD (Law)

The author of the article argues that cases of administrative offenses in arbitration courts should not be considered in simplified procedure, since this contradicts the essence of administrative responsibility.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, proceedings in cases of administrative offenses, arbitration courts, arbitration process, simplified procedure.

How a Financial Manager Can Collect Losses from a Bank in the Course of a Private Bankruptcy Procedure

Latkina Anastasia K.

Lead Lawyer at Petersburg Legal Alliance Bar Association

1st Year Student of the Lawyer in the Financial Market Sector (Financial Lawyer) Principal Educational Course of Master's Degree Program of the Saint Petersburg State University

The article discusses the issue of the possibility of filing a claim for recovering losses from a bank in the event of illegal withdrawal of the bankruptcy estate of a debtor-individual from his current account. The problem of determining the jurisdiction of the dispute is analyzed, the key concepts and facts necessary to prove the incurred losses are determined. Also proposed are possible solutions to the problem of using a special account of a debtor in bankruptcy proceedings.

Keywords: bankruptcy of individuals, recovery of losses, banks, bankruptcy estate, jurisdiction, proof of losses.

Arbitration Agreement: The Legal Nature and Application Practice of an Arbitration Agreement

Balashova Irina N.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

PhD (Law)

The article analyzes the legal nature of an arbitration agreement as an agreement on the transfer of an existing dispute between the parties to arbitration (arbitration court). The author pays special attention to such a type of arbitration agreement as an arbitration clause.

Keywords: civil proceedings, arbitration proceedings, arbitration, arbitration court, arbitration agreement.

The Influence of the European Convention on the Establishment of Compensation Proceedings in an Arbitral Procedure: Foreign Experience

Chernov Konstantin N.

Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure Law of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article examines some issues of the impact of the European Convention for the Protection of Rights and Fundamental Freedoms on the formation of compensation proceedings in the arbitration process. Foreign normative legal acts play an important role in the mechanism for protecting human and civil rights, including in the production of court proceedings on violation of the rights of citizens to consider a case within a reasonable time. In the Russian arbitration legislation today there is an extensive practice of considering cases with the use of European judicial acts. It should be noted that at the present time there is a positive practice and appeals to the European Court of Human Rights are becoming much less frequent.

Keywords: the European Court, reasonable time limit for proceedings, compensation proceedings.

Law Enforcement Approaches to the Legal Qualification of Cryptocurrency (U.S. Judicial Practice)**Kontsevoy Ales V.**

Senior Partner at LegalTech Corporation

The article deals with law application approaches of the US courts to the characterization of cryptocurrency. Facts of the cryptocurrency case filed by the US Commodity Futures Trading Commission against the 'Cabbagetech' Corporation for injunction are analyzed. The court formulated a case-law position according to which cryptocurrency is qualified as a civil turnover object that has the commodity economic and legal characteristics. The legal qualification of cryptocurrency as a commodity and the extension of the economic and legal features and attributes of the commodity to the cryptocurrency allows to structure property risks and to determine the civil law consequences of actions aimed at acquiring proprietary rights to cryptocurrencies. The emphasis on the legal policy of the US public institutions in the field of commodity and finance market security is placed.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, law application, court, public legal policy, the USA, futures, transactions, obligations, commodity.

Procedural Terms as Means of Ensuring Efficiency of Civil Proceedings: In Search of the Optimal Legal Impact**Kurochkin Sergey A.**

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University (USLU), PhD (Law), Associate Professor

The problem of timeliness and effectiveness of judicial protection is still actual. Procedural deadlines can be a means of ensuring the effectiveness of civil litigation. Their use requires the selection of optimal means of legal influence on procedural relations, the formation of conditions and incentives, which implementation will increase the effectiveness and ensure the timeliness of civil procedure.

Keywords: efficiency, timeliness, judicial proceedings, effective procedural term, case management.

Timeliness of Performance of Procedural Actions as a Risk Management Mechanism in Civil Proceedings**Zvyagina Natalya S.**

Teaching Assistant of the Department of State and Administrative Law of the Law Institute of the Kemerovo State University

This article is devoted to the problem of managing procedural risks in the civil process. As part of the research, the author considers the possibilities of risk management through timely execution of procedural actions. The work concludes that a full understanding of stakeholders of relationship between performed with the omission of the procedural term actions and probability of adverse consequences (risk) will contribute to improved accountability of stakeholders, and will have a positive impact on minimizing procedural risk in civil proceedings. The article contains proposals for reforming the current procedural legislation.

Keywords: procedural risk, management of procedural risks, procedural periods, performance of procedural actions.

The Development of Legal Provisions on Protection of Social Rights of Employees in the Pre-Revolutionary Russia (the Early XX Century)**Gusev Aleksey Yu.**

Associate Professor of the Department of Law Theory and Inter-Branch Legal Disciplines of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), PhD (Law)

The author analyzes the legally established methods of protecting the right to social security of employees and their family members in pre-revolutionary Russia, judicial protection of such rights, examines the practical issues of applying such protection, the main sources of Russian legislation of that time that regulated these issues, and makes some suggestions about the possibility of borrowing positive experience by modern Russian legislators.

Keywords: complaint, factory inspector, district engineer, claim, appeal to the court, legal costs, insurance companies, industrial accident, insurance companies.